

СЛАВА ЯРИЛЕ

ДОБРОСЛАВ

ВОЛХВЫ

(Примечания находятся в конце книги!)

Тысячу лет назад на Руси полыхали костры, на которых проповедники «любви и милосердия» заживо сжигали Волхвов. Суньте палец в огонь – и вы немало поймёте, что значит смерть «без пролития крови».

Кем же были эти великомученики? Что вообще мы знаем о подлинном славяно-русском Язычестве?

Известный историк Ипполит Тэн справедливо упрекал Флобера в том, что последний в своём «Искушении св. Антония» рассматривает различные гностические течения (бывшие последними ручейками сильно христианизированного, упадочнического эллинского Язычества) через призму их злейшего врага – теолога Епифания (IV в.). Кстати сказать, наши романтические поэты и писатели: Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь и другие – под влиянием господствующего православия тоже вольно или невольно демонизировали образы так называемой «низшей мифологии», прежде всего, Русалок.

Творения гностиков известны нам только по немногим отрывкам и по чужому, крайне предвзятому изложению «отцов церкви». То же самое можно сказать и в отношении славяно-русского Язычества, о котором людям известно, в основном, из церковной поучительной литературы, главная цель которой – борьба с Язычеством. Всё, что можно почерпнуть из этих «поучений», – это то, что Язычники – нехристи, нелюди, и жили они соответственно, «зверинским образом, по-скотски».

Что касается летописей, то писари-монахи так их писали и переписывали, что подчас сказка становилась былью, быль – сказкой, а иные, нежелательные события и личности вовсе исчезали. Ведь бумага, как говорится, всё терпит, и легко можно при помощи одной лишь запятой, вставленной в нужное место, сделать белое чёрным и наоборот.

Светские историки XVIII-XX вв., пытавшиеся исследовать дохристианские воззрения славяно-руссов, лишь анатомировали Языческие понятия, будучи лишены Вдохновения, которое является душой Язычества. Даже для наиболее непредубеждённых академических умов Язычники – это всего лишь «несчастливые люди-дикари; на лицо ужасные, добрые внутри».

Для этих историков нет никаких сомнений в преимуществе христианства и необходимости перехода к нему. И уж конечно, Языческие добродетели отваги и благородства были глупостью для тех, кому «лучше быть живым шакалом, чем мёртвым львом».

* * *

Тот, кто подходит к Языческой религиозности с убогими мерками иудеохристианского вероисповедания и пытается судить о ней с уровня подобной «кочки зрения», тот никогда не поймёт и не оценит всего величия, глубины и красоты Языческого мировосприятия, основанного не на раболепном, болез-

ненно-шкодливом нытье и пресмыкательстве перед «господом», а на доверительных отношениях сильных, мужественных, прямодушных людей, сохранявших честь и достоинство перед ликом тех Могущественных Сил, коих они почитали своими Природными или Старшими Родичами.

Они сознавали всё несоизмеримое превосходство этих сверхчеловеческих Сил, но в то же время чувствовали своё естественное с Ними родство, а потому, не нуждаясь в посредниках, обращались к Ним напрямую.

Они не нуждались в «вере», что Живое Вездесущее Божество существует, ибо таким Божеством была сама ВЕЛИКАЯ ПРИРОДА-МАТЬ. Пантеистическое Язычество – это не какое-то вероисповедание, а естественные убеждения, вырастающие из самой Жизни: Религиозно-Этическое Учение, преподанное самой Природой – Матерью Мира.

Такое мироощущение кажется человеку, который не дошёл до него и не проникся его полнокровным душевным здоровьем, слишком бедным и бледным, слишком грубым и «земным». Иудеи привыкли видеть религиозность или «духовность» только в уповании на нечто «сверхъестественное», «небесное», «божественное», а религиозно-нравственное восприятие живой Матери-Природы считают, как правило, чем-то безнадежно-отсталым, незначительным, недоразвитым, неполноценным.

Даже самые благожелательно настроенные исследователи Языческой старины снисходительно видят в ней лишь милое, подчас забавное, подчас непристойное выражение первобытной дикости. Афанасьеву, Миролюбову и Рыбакову славянорусское Язычество представляется если и не совсем уж дремучим невежеством, как Карамзину, Аничкову и Нидерле, то чем-то детски-простодушным, в лучшем случае – предварительной ступенью перехода к более высоким библейским «ценностям». Всем подобным попыткам толкования Язычества, помимо их исторической несостоятельности, присуще одно общее свойство: все они (одни явно, другие скрыто) преследуют цель облагородить, восхвалить, превознести иудеистическую религию как якобы единственно «богооткровенную» [1].

Иудеи приписали себе исключительное право на обладание «истинной верой». Протиестественный семитический монотеизм с его внекосмическим, трансцендентным (по-русски – запредельным) богом – «чистым», духовным первоначалом всего сущего, оторванным и вознесённым над «нечистой», неодушевлённой Природой, был совершенно чужд анимистическо-пантеистическому мировосприятию Язычников.

«Бог» монотеистов есть кошмарная фикция, чёрная дыра небытия, ужасающая своей бездонной пустотой. Это ущербный плод теологического нигилизма, отрицающего ценность ведовского мистического опыта. Потому-то всем искренним мистикам – искателям Божества, будь они христианскими «еретиками» или мусульманскими суфиями, – трудно было оставаться правоверными, ибо они не могли принять догму, будто Природа существует вне Бога, а

Бог – вне Природы. Такой мертвящий монотеизм уже не религиозность, а умозрительные богословские построения.

Есть существенное различие между религией как живой иррациональной связью человека с Высшими Силами (его религиозностью) и религией как внешними, церковными попытками выражения этой связи (вероучение, богослужение и т.д.).

Сама РАЗУМНОСТЬ, ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И КРАСОТА Природы иррациональна так же, как иррациональна стихийная непознаваемая сущность Жизни. По сути слово «Бог» ничего не даёт [2]. Это лишь словесное выражение для человеческого неведения, а ведь опереться можно только на вещный инстинкт, на безошибочное внутреннее чутьё.

Страстная потребность и тяга нашего сердца ко всему таинственному, чудесному, непостижимому составляет изначальную сущность человека и есть самый глубокий пласт его психики, откуда и произрастает подлинный корень религиозности как переживания, пронизывающего человека насквозь и целиком, когда душа и тело не противостоят друг другу, а сливаются в едином жизненном потоке. Иррациональное является таковым только для поверхностного головного рассудка, но не для Сердца с его способностью интуитивного познания.

* * *

Что представляла собой ранняя традиционная восточнославянская религия, послужившая основанием славянорусской культуры?

Всякие попытки непредвзятого, беспристрастного исследования этой религии сталкиваются с непреодолимыми, казалось бы, трудностями, главнейшая из которых – отсутствие достоверных письменных источников, на которых, прежде всего, основывается академическая историческая наука.

Сами наши Языческие Предки, по всей видимости, никаких летописей не вели: не было в том надобности [3]. А подавляющее большинство имеющихся в руках учёных письменных материалов, касающихся дохристианской религии восточных славян, принадлежит перу церковников, то есть беспощадных, смертельных врагов этой народной религии, не понимавших её, но стремившихся всячески опорочить её приверженцев: они, дескать, и такие, и сякие, тут всякое лыко в строку.

Крайне малочисленные, отрывочные, расплывчатые и разнородные сведения о «северных варварах» содержатся в текстах византийских полководцев, в анналах, хрониках и сообщениях чужеземных путешественников: западных миссионеров и мусульман-арабов. Все они были людьми предубеждёнными и весьма далёкими от того, чтобы пытаться вникнуть в нравы Язычников, а потому даже при всём своём желании не могли бы дать объективную картину иного, чуждого им религиозного мировоззрения.

Нет ни одного прямого, сколько-нибудь полного и главное – идущего изнутри (т.е. представляющего саму Языческую религию с точки зрения её традиционного последователя, а не её толкование извне посторонним наблюдателем) письменного источника по исконной славянорусской религиозной культуре.

Что касается археологических памятников Языческой старины, то очень скудный и случайный археологический материал сам по себе ни о чём не говорит: в попытках понять назначение того или иного предмета религиозного культа учёным приходится прибегать к довольно-таки сомнительным предположениям, допущениям, аналогиям и т.д.

Подчас трудно понять человека, который рядом. Ещё труднее проникнуть в душевный мир того, кто отделён плотным туманом тысячелетий, дорожил иными ценностями и видел Вселенную иной.

Люди той далёкой эпохи совершенно иначе воспринимали то, что мы называем Природой. Исследователю необходимо отбросить наивно-рационалистическую логику, обусловленную психологией поведения современного человека.

В нас дремлет первобытный анимист. Надо попробовать как бы перевоплотиться в него, вжиться в его мировоззрение; попытаться, насколько это возможно, взглянуть на мир его глазами, и тогда разрозненные, порой внешне противоречивые исторические сведения – осколки – слагаются в целостную, яркую картину былого, а недостающие пробелы заполняются интуитивными впечатлениями и откровениями, всплывающими из архаичных душевных глубин. «Включается» генетическая память. Очевидно, где-то в человеке, на каком-то сверхтонком субатомическом уровне, наследственная память эта каким-то неведомым образом записана, как на дискете компьютера. Находясь в некоторых особых трансподобных состояниях, человек «помнит» о своих прежних воплощениях и «знает», как выглядели и вели себя далёкие Предки [4].

У некоторых одарённых поэтических натур, предрасположенных к экстатически-трансовому наитию, подобные «воспоминания-видения» порой реализуются в качестве художественных образов, причём образы эти удивительно схожи с реконструированными на строго научной основе. Конечно, прозрения этих людей предопределены не только врождённым гением и хмельным вдохновением, но и огромной творческой работой, мучительными поисками и раздумьями, переходящими, в конце концов, в озарение, интуитивную догадку, неосознаваемое понимание. Однако бывает, что и здесь Затейница-Природа не обходится без головоломки: в медицине отмечены случаи, когда способности к сверхчувственному восприятию появлялись у людей в результате черепно-мозговой травмы или удара молнии. Чем Чёрт не шутит!? (половица эта, несомненно, дохристианского происхождения).

Пожалуй, единственным надёжным историческим памятником – источником сведений о подлинно народной религиозности – остаётся фольклор, прежде всего, фольклор ритуальный – живое, драгоценное наследие седой старины.

Славянская обрядовая поэзия хранит исконные черты индоевропейской духовной культуры в большей мере, чем обрядовая поэзия европейского Запада. В песнях, волшебных сказках, заговорах, заклятьях, закличках и загадках, в преданиях, поверьях и быличках запечатлён целый мир религиозно-нравственных представлений народа, причём часто наиболее архаических, близких к изначальным, ещё не замутившимся чужеродными наслоениями.

Примечательно, что в этом мире отсутствуют боги как таковые. Вместо них выступают некие Силы-Сущности; нечеловеческие, но внимлющие человеку, к которым он и обращается за советом или за подмогой. Люди тогда представляли себе Природу живой, одушевлённой, сочувствующей или неприязненной человеку, но никак не безучастной к нему.

Мировоззрение это уходит в недра славянства и праславянства, и ещё глубже – в единую общую основу культурно-религиозных традиций всех индоевропейских племён, устои которой сложились не позднее 5-6 тысяч лет назад [5]. Но это далеко не всё: в славянорусском Язычестве сохранилось и многое из того, что следует отнести к ещё более ранним религиозным представлениям охотников каменного века. Например, прямое и безыскусственное почитание Матери-Сырой-Земли в его самом архаическом виде, восходящее к палеолитическим временам материнского родового строя. Земля была для наших Предков подлинно живым одушевлённым Существом, всеобщей Рожаницей – Прародительницей и любвеобильной Кормилицей. Поэтому, когда они величали Землю своей Матерью, то это было не просто метафорой, а чем-то гораздо большим; представлением, совершенно соответствующим первобытной психологии.

Блестящий знаток славянорусского фольклора В.Я. Пропп, досконально исследовавший генезис волшебной сказки и архаические образы, запечатлённые в ней, в своём энциклопедическом труде «Исторические корни волшебной сказки» (Л.-д., 1946) убедительно выявил в огромном своде сказок, поверий, легенд и этнографических данных целый ряд тем, отражающих жизнь и переживания охотников каменного века, в частности тему ведовской «лесной науки», преподававшейся Бабой-Ягой [6].

В наибольшей чистоте и неприкосновенности древнейшие песни, сказания, предания сохранялись на Русском Севере: именно там запечатлелись такие глубоко архаические обряды, обычаи, традиции, которые древнее не только античных, но даже и тех, что отражены в Ведах [7] и Авесте. Так считал выдающийся исследователь нашего Язычества проф. П.Г. Богатырев. То же убеждение высказывается в книге Н.Н. Велецкой «Языческая символика славянских архаических ритуалов», в работе С.В. Жарниковой «Древние тайны Русского Севера», в труде Н.Р. Гусевой «Индуизм», в монографиях Н.И. Тол-

стого, в других исследованиях. Данные сравнительного религиоведения подтверждаются и данными сравнительной лингвистики.

* * *

Как свидетельствуют древнейшие виды фольклора, у восточных славян была очень слабо выражена персонификация представлений о Высших Силах. Преобладали неолицетворённые представления о неких безличных природных Силах-Сущностях; таинственных, нечеловеческих, но по-своему живых, окружающих человека со всех сторон и влияющих на него тем или иным образом.

Эти метафизические Сущности пантеистического порядка ещё не превратились в личностные антропоморфные существа. Грубой антропоморфности, уподобления стихийных духов и божеств человеку, в общем, не было. Поэтому, естественно, не существовало и их рукотворных предметных изображений, изваяний, рисунков и т.д. Раннее славянорусское Язычество не имело строго выработанного и сложного ритуала и не нуждалось поэтому в сильно развитом внешнем культе: особых храмовых зданий, тем более – крытых, не было [8].

Всё пространство Родимой Земли воспринималось как сакральное, насыщенное Дивным присутствием. Сама Природа была нарядным храмом, где потолок – гулкий свод небесный, полы – благоуханный зелёный ковер, стены – дремучий Лес, а звонкое птичье пение славало Жизнь, Любовь, Красоту [9].

Существуют свидетельства, что, по крайней мере, в Северной Руси не употреблялись ни идолы, ни искусственные храмы. Племена вятичей, кривичей, словен новгородских обожали Природу прямо и непосредственно через Её зримые, осязаемые проявления: Солнце, Землю, Ветер, Дуб, Родник и т.д. Нутром ощущая пульс могучих стихий, обнаруживали они почвенную связь с Праматерью как корень своего существования.

Простота и общедоступность культов не требовали для их обслуживания ни особых строений, ни пышного ритуала, ни «боговдохновенных» писаний, ни профессионального сословия жрецов-посредников.

Сохранился обычай (бытующий до сего дня не только у «диких тунгусов», марийцев, японцев [10] и многих других народов, но и у нас) вешать на ветви берёз, класть на камни у источника или к подножию старых дубов и лип нехитрые дары – приношения местным Хозяевам и Хозяйкам. И это вовсе не жертвы с целью ублажения (Высшие Силы не нуждаются в жертвах), а просто знаки внимания и уважения. Разве нужны для этого какие-то особые жрецы-посредники?

И не было там никаких сооружений и изображений. О том, что место Священное, напоминали лишь ленточки и лоскутки, развешанные на деревьях, да охватывающее человека чувство благодатного умиротворения.

Наши Языческие Пращуры не персонифицировали богов, но обожествляли стихийные силы Природы в их первозданной самобытности. Языческие Божества были с ними повсюду. Они населяли леса, горы, доли, реки и озёра, туманы и зарницы... Нужны ли были какие-то постройки, лишь мешающие единению, слиянию с Родными Силами?

У древних славян не было изображений Божеств и рукотворных храмов для них. Вообще изначально у индоевропейцев не было особых храмовых строений, понимаемых как местонахождение Божеств. Тацит свидетельствует, что германцы считали несовместимым с величием своих Божеств запереть их меж четырёх стен или же представлять их в образе человеческом: «Они посвящают им леса и рощи и называют «богами» нечто таинственное, осязаемое лишь для преклонения в духе» (Германия, гл. 9).

Один из виднейших историков и религиоведов XX в. Ганс Ф.К. Гюнтер пишет в работе [«Религиозность нордического типа»](#) (1943 г.): «И то, что индогерманцы первоначально не имели изображений богов, также соответствует религиозности космически мыслящих людей, изначально имевшей тенденцию к пантеизму» ([Ганс Ф.К. Гюнтер. Избранные работы по расологии. М., 2005. С. 407](#)).

* * *

Согласно такому складу религиозного мышления и психологии, восточные славяне, как и германцы, не знали особой корпоративно-замкнутой касты служителей культа [11].

Нет никаких известий о существовании у восточных славян обособленного, разветвлённого, многоступенчатого и влиятельного жреческого сословия. Жречества как такового практически не было [12]. Оно появляется как иерархия профессиональных служителей государственного религиозного культа лишь в 980 г., когда нечестивый братоубийца Владимир поставил в Киеве истуканы шести антропоморфных богов во главе с Перуном, повелел молиться им и приносить кровавые жертвы [13]. Тогда-то и понадобились жрецы – государственные чиновники при культивируемых образах отдельных официальных богов, совершающие регулярные общественные жертвоприношения, надзирающие за постоянным и правильным исполнением ритуалов, руководящие всё более усложняющейся церемониальной стороной культа. Обряды приобретают форму сугубого богослужения, которое и становится их содержанием, а сама религия становится предметом веры.

В народной же религиозности основу составляли не верования и не всяческая боговщина, а Круг Священных Обрядов и Празднеств, органически сочетающихся с циклами самой Жизни и непосредственно связующих человека с Природой, Предками-Покровителями и сородичами.

После утверждения иудохристианства именно эти древние народные культы, вся так называемая «низшая мифология» оказалась поразительно живучей и сохранилась в фольклоре и обычаях вплоть до наших дней, тогда как пред-

ставления о великих богах, связанные с богатыми храмами, чудовищными истуканами и кровавыми жертвоприношениями, быстро и почти напрочь изгладилась из народной памяти и лишь частично вошли в новые иудеохристианские образы, как, например, Перун в Илью-пророка.

Упрощённо говоря, Язычество (в широком понимании слова) есть религия, соответствующая общинно-родовому строю, а иудеохристианство – классово-му.

«Языческая религия не похожа на религию классового общества. Религия родового строя не знает классов и не требует подчинения одного человека другому, не освящает господства одного человека над другим; классовая религия имеет другой характер», – писал наш известный отечественный учёный Б.Д. Греков в своём труде «Киевская Русь» (М., 1953).

Как известно, у восточных славян очень долго держался прочный общинно-родовой, вечевой уклад. Однако начавшийся его распад и разрушение традиционных родовых устоев уже наложили свой отпечаток на религию. Обособление жреческого сословия как профессиональных служителей культа явилось следствием разложения патриархальных родоплеменных отношений и возникновения отношений феодальных. Оно было связано с ростом имущественного и социального неравенства внутри общества. Как верно отмечает историк Аполлон Кузьмин в «Падении Перуна» (М., 1988), «иерархия богов создаётся вслед за выделением земных иерархий. Именно тогда появляется потребность или создаётся возможность и для выделения особой касты жрецов».

Одновременно в этот последний этап восточнославянского Язычества происходит то, что можно было бы назвать расслоением религии на жреческую и народную. У смердов как бы одна, своя религия, а у господствующих властей и жрецов – другая.

Жрецы становятся посредниками между «простыми людьми» и «великими богами», ходатаями перед последними, обладающими якобы могущественными магическими приёмами воздействия на богов посредством искупительных жертвоприношений. Эти искусственные ритуалы были, в основном, плодом творчества жрецов, так же как великие боги были, в основном, предметом культа жрецов и князей – правителей.

Но рядом с этой государственной религией сохранялись архаичные и чисто народные религиозные представления. Официальные боги ничего не давали неимущему люду, они никак не удовлетворяли повседневных нужд человека, придавленного феодально-княжеским гнётом. Народные массы чтили своих древних, излюбленных, родных, близких, природных и домашних Чуров и Берегинь. В каждой общине, в каждом роду, в каждой семье были местные Духи-Покровители, к которым обращались за помощью. В них видели своих заступников, защитников от произвола сильных. А о «высших богах», которым поклонялась вельможная знать, народ имел весьма слабое представление, и вообще до них людям было мало дела. Вот этих-то «высших богов»,

чьи имена сохранились только в книгах, и заменили иудохристианские «святые», в то время как образы «низшей мифологии» (домовые, лешие, русалки и т.д.) и семейно-родовой культ Предков дожили в самой толще народной вплоть до наших дней.

Конечно, Языческие кумиры были порушены продажными князьями и попами, но подспудными причинами, способствовавшими их скоропалительному и бесславному низвержению, было состояние самого Язычества, ослабленного внутренними противоречиями, а также весьма двусмысленная роль сложившейся жреческой бюрократии.

Вообще о жреческой коллегии тех времён можно говорить только довольно-таки условно. Историк-религиовед Л. Мирончиков, в исследовании «К вопросу периодизации древнерусского язычества по «Слову Григория об идолах» («Древности Белоруссии», Минск, 1969) убедительно доказывает, что непосредственно перед иудохристианизацией сакральные функции выполняли так называемые «старосты», бывшие одновременно должностными лицами, т.е. чиновниками, выполнявшими общественные и административные функции, что являлось их основной обязанностью и за что они получали жалование.

И есть основания предположить, что эти «старосты» (а по совместительству – жрецы), холопствуя, добровольно приняли чуждую религию одними из первых не только из-за своего малодушия, но и потому, что их социальное положение обязывало не вступать в противоречия с крестившимися верховными властями во главе с Владимиром. Вполне вероятно, что те, кто ещё вчера приносили жертвы Перуну, на следующий день улюлюканьем провожали статую главного кумира, которую по приказу князя прилюдно поволокли с холма, привязав к конскому хвосту.

Нет сведений о воинственном противостоянии жречества христоносцам среди полян, в собственно Киевской Руси. Современный историк И.Я. Фроянов в монографии «Начало христианства на Руси» (Л-д., 1988) пишет, что «киевская, полянская община одобрила на вече замысел кн. Владимира обращения в христианскую веру».

В летописях упоминается лишь один случай решительного, кровопролитного сопротивления: в Северной Руси, где сильны были вольнолюбивые традиции, новгородский жрец Богомил Соловей возглавил народное восстание против «огня и меча» Добрыни и Путяты.

Всеми другими последующими антицерковными и одновременно антикняжескими, антифеодальными [14] «мятежами великими» руководили ВОЛХВЫ, которые «не боятся могучих владык». И здесь мы подходим к самому загадочному вопросу нашей истории: кем же были те, кого народ величал людьми Вещими, а власть имущие посылали на дыбу и на костёр?

Вопрос этот очень неясный, на чём сходятся все исследователи. Однако почти все писатели (и церковные, и светские, и даже в специальной научной литературе) смешивают, а чаще просто отождествляют Волхвов со жрецами-идолослужителями последних десятилетий Язычества. Это, разумеется, не совсем верно, или даже совсем неверно.

Все основные сведения о Волхвах относятся к периоду после начала иудеохристианизации. Лишь XI веку (и позднее) принадлежат летописные известия о бурных событиях, связанных с действиями ярых Волхвов в северо-восточных землях. Однако в целом ко времени феодализации Киевской Руси Волхвы, выражающие религиозную идеологию родового строя, были уже анахронизмом, пережитком. Волхвы были носителями первобытнообщинных отношений, на что, в частности, указывает акад. М.Н. Тихомиров в книге «Крестьянские и городские восстания на Руси» (М., 1955).

Социальный статус Волхва как верховоды, как духовного вождя был изначально выше статуса светских правителей. Знавшиеся с Дивами Ведуны находились под божественным покровительством: за их плечами стоял непререкаемый авторитет всего сонма Родных Сил – Духов – Опекунов, и потому их слова имели огромное воздействие на умы и чувства сородичей. Волхвы были главными руководителями общественного вечевого мнения: они облекали свою речь в такие притчевые образы, которые в равной мере обладали нравоучительным смыслом как для просвещённых, так и для заурядных слушателей. И в решении важнейших вопросов они пользовались неоспоримым влиянием.

С усилением княжеской власти Волхвы выступали против притязаний князя на руководство всеми сторонами жизни общества и отстаивали свободолюбивые вечевые традиции.

Вообще же Волхвы являлись хранителями и вестниками религиозного сознания, присущего раннему, анимистически-пантеистическому мировидению. Они не персонифицировали богов, но обожествляли животворящие Силы Природы в их первозданно-стихийном обличье. Поклонение человекоподобным богам-истуканам, возглавляемым Перуном, выглядело в их глазах просто глупостью, нелепой «ересью». И нигде, ни разу не говорится о том, что они унижались до того, чтобы класть требы рукотворным кумирам.

В тиши лесов исповедовали они молчаливое уединение, стяжая ведовские знания. Не было волхвов как наследственной касты, подобной индийским брахманам. Волхвы достигали своего звания в силу личных добродетелей, заслуг, подвижничества. Дар Волхвов – проникновенное мироощущение, а не мертвящая слепая вера. И потому они никогда не учили «вере», ибо веруют невежды.

Так кем же были Волхвы – Волшебники – Чародеи – Ведуны? Прежде всего, необходимо заметить, что те же названия имелись и в женском роде. И, как мы увидим далее, возможно даже, что первоначально именно в женском.

Волхвы были представителями и выразителями древнейшей мудрости, «последними могиканами» – наследниками вдохновенных Ведунов и Ведьм того Золотого (каменного) века, о котором помнят легенды, мифы и предания всех народов.

Волхование, ведовство, знахарство связано с религией, но не исчерпывается ею. Ведовство – это целая особая НАУКА ПРИРОДОВЕДЕНИЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ; некий свод, включающий составляющие рационального, иррационального и поэтического мировидения.

Ведовство, вобравшее в себя многотысячелетний живой опыт общения с Природой, является взаимосвязанным сочетанием, сплавом обрядовых священнодействий, первобытной лесной науки и натурфилософии [15].

Чем глубже человек погружается в Природу, тем большее количество чудесных явлений он опытно познаёт, и ему уже не нужно в них верить. Иной раз происходят вещи не менее чудесные, чем если бы деревцо, над которым занесён топор, вдруг закричало бы, как в волшебной сказке, по-человечьи.

Ведьмы Природу ВЕДАЛИ, иначе говоря, внимали Её откровениям. Ведьме свойственна чрезвычайно обострённая чувствительность, глубочайшая, нередко экзальтированная сила сопереживания, предельно выраженное чувство причастности и ответственности за всё, что живёт. Это и есть НАСТОЯЩАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ. Религиозность эта имеет в своей основе вполне здоровое чувство, присущее первобытному человеку и чуждое нашему времени. Чувство это – симпатическое восприятие внутренней жизни Природы. Оно встречается теперь так редко, что кажется людям ослепительным, экстатическим и безумным.

Язычество было в первую очередь образом жизни, а во вторую – мировоззрением. Ведовский дар – естественное следствие праведного, чистосердечного, природосообразного образа жизни. Он был достоянием тех, кто соблюдал неписанные заповеди Природы.

Ведьма понятия не имеет о ботанике, но ей ведомы сокровенные свойства всех зелий, что рождает Мать-Сыра-Земля. В лунатическом ясновидении познаёт она их своим тонким нутряным чутьём. В таком необычном состоянии Ведьма силой своей симпатии вживается в лесные биополя, сливается с ними, как бы непосредственно проникает в растение и познаёт его, так сказать, изнутри, тогда как учёные и философы – извне.

И ещё она знает ГЛАВНОЕ: как надо обращаться к травам, чтобы они помогли. Они ведь тоже живые: всё понимают, чувствуют и трепещут. Когда рвёшь цветок – дрожь пробегает по всему лугу. Значит, чтобы не причинять ему излишней боли, надо его усыпить, убаюкать, заговорить.

Ведьма знает толк в целительстве, только лечит не всех подряд. Она – искусная врачевательница: отсюда выражение «боль как рукой сняло». Может она и даровать наследников бездетным. Существовали обряды лечебной магии, или, другими словами, знахарства, отгоняющие от селения зловредных упырей, отвращающие моровые заразные болезни. Со всеми этими «суевериями» с равным рвением и равно безуспешно боролись и попы, и «научный материализм». Народ по-прежнему ходит к «бабкам», хотя нынешние «бабки», как правило, бывшие комсомолки, в одночасье ставшие православными, пользуют, в основном, «заговорённой» водой из-под крана.

* * *

На Язычество возведено такое множество злобных поклёпов, вылито такое огромное количество всяческих помоев, что одно это уже само по себе наводит на размышления. И каждый добросовестный исследователь просто не может не заподозрить, что если грязи так много, слишком много, то, значит, есть в Язычестве нечто ЧИСТОЕ, такое, что врагам обязательно надо опаску-дуть.

Никто никогда не расскажет о Язычестве всей правды, потому что всей правды не знает никто. Очень трудно докопаться хотя бы до её отголосков, ибо почти всегда изначальная Языческая сущность затемнена, загажена и переиначена иудохристианством.

Церковные (и не только) источники рисуют Волхвов обавниками, гадальщиками «по куроклику и воронграю», лиходеями и колдунами, связанными с «нечистой силой». Сельский же люд смотрел на них как на людей Вещих, дружных Дивам и Зелёным Лесным Хозяйкам, черпавших мощь и вдохновение в общении с таинственными и непредсказуемыми, но Родными Силами.

Н.М. Гальковский в двухтомном труде «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси» (Харьков, 1916) пишет: «Верование в колдовство, как способ действовать при посредстве дьявола и вообще нечистой силы, явление у нас заносное и мало распространённое... Русские люди обращались к знахарям, ведуньям, шептунам и шептуньям, которые ворожат и врачуют совсем не при посредстве дьявола... Врачевания и волхования совершаются при посредстве неведомой и таинственной силы, присущей Природе и мало кому известной. В сознании простого русского человека Природа рисуется мощной и таинственной: сверхъестественному в ней особенно нет места; Природа живёт особою сложною жизнью и управляется своими неведомыми законами».

На Волхвов уповали в тяжёлую годину, во время народных бедствий и стихийных опасностей. К ним обращались за помощью и советом при решении жизненно важных как для отдельных людей, так и для всего рода-племени вопросов. Одним из главнейших деяний Волхвов было выявление злобных колдунов, насылавших порчу и всяческие напасти, борьба с ними и защита сородичей от их пагубных козней. Овеянные славным ореолом, Волхвы в глазах народа явно представлялись существами высшего круга по сравнению

с простыми смертными. В религиозном сознании сородичей они выступают провидцами, баянами-кощунниками, истолкователями чудесных знамений Природы, глашатаями воли Чуров-Пращуров.

Волхвы, Ведьмы, Знахари подвергались гонениям со стороны церкви и государства, но не со стороны народа. Известный историк В.Б. Антонович писал в конце XIX в.: «С начала русского государства волхвы и прорицатели будущего играли среди славян достаточную роль, но народный взгляд на чародейство был не демонологический, а исключительно пантеистический. Допуская возможность чародейственного влияния на бытовые, повседневные обстоятельства жизни, народ не искал начала этих влияний в сношениях со злым духом: демонология мало была развита в России».

Молва наделяла Волхвов, спевшихся с Лешим, Вихорем и Водяным, сверхчеловеческими силами и способностями: они слыли облакопрогонниками и оборотнями [16], подобно былинному Волху и Вещему Баяну.

Однако в облике Волхвов явственно видны черты не только лозоходцев и кудесников, но и Светочей-Наставников, Учителей Праведности.

Волхвы были не столько посредниками и заступниками перед Высшими Силами, сколько проводниками к Ним. Они вели, направляли человека к этим Силам и указывали, что единственно верный, надёжный путь к Ним лежит не через жертвоприношения и заклятия, а непосредственно и только через собственную совесть.

Они были Учителями Добра, а не пастырями и не философами-любомудрами. Истина постигается умом, а ПРАВДА – СЕРДЦЕМ. Это и есть суть того, что называется «тайноведением».

Неисповедимыми путями связаны душевные порывы человека с Силами, действующими в Мироздании. Попробуй-ка остановить ветер!? Однако ВОЛЯ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ДОБРО, повелевает даже стихиями...

* * *

Чародейное могущество Волхвов признавалось даже самими церковниками. Известное летописное свидетельство об исполнившемся предсказании, данном Волхвом князю Олегу, содержит неожиданное, но впечатляющее признание: «Это не удивительно, что от волхвования сбывается чародейство».

Напомним, о чём идёт речь. В «Повести временных лет» под 912 г. записано, как один из Волхвов (слова «волхв» и «кудесник» летописцем отождествляются), к которому обратился Олег, предрёк ему гибель от любимого коня, что и сбылось неотвратно, причём самым неожиданным образом [17]. Пытаясь избежать предсказания, Олег удалил от себя коня, но много лет спустя, пожелав взглянуть на его кости, был смертельно ужален выползшей из конского черепа змеей.

В XIX в. историк М.Н. Сухомлинов предложил вполне правдоподобное объяснение того, почему о предсказании сообщается задним числом: «Причина несвоевременного внесения известия в летопись та, что предсказание получило значение для летописца уже тогда, когда оно исполнилось; летописцу не казалось важным впечатление, произведённое на Олега словами кудесника, и об этом он упоминает только мимоходом; главное же для него было то, что Олег умер по предсказанию волхвов и что, следовательно, их предсказания могут сбываться».

У монахов-летописцев не вызывала ни малейших сомнений способность Ведунов и Ведьм творить «знамения, потворы и волхования». Об этих случаях сообщается как о фактах непреложных, хотя, разумеется, чудодейства, творимые Волхвами, приписываются их связям с адскими силами.

В летописях говорится об умении иных Волхвов ходить по воде. Так, в 1071 г. Волхв, появившийся в Новгороде при внуке Ярослава Хромого («мудрого») князе Глебе, обещал народу в доказательство правильности и превосходства древней религии перейти реку Волхов на глазах у всех как посуху.

Вызов, брошенный Волхвом церковникам, был безоглядно-смелым: надо думать, он уже что-либо подобное совершал, если отважился открыто выступить всенародно. Ведь если бы его попытка не удалась, то и престиж дорогого ему Язычества, и его личный волхвовской престиж были бы в глазах народа подорваны гораздо более, нежели неумением предвидеть возможность предательства. Видимо, и князь знал, что Волхв способен осуществить обещанное, и потому, почуяв здесь угрозу для не окрепшего ещё иудохристианства, вероломно и подло убил его.

Согласно историческим памятникам, Волхвы подвизались, как правило, в лесных дебрях и жили подобно волкам-одиночкам. Однако сила их влияния простиралась не только на сельское население, но охватывала порой целые города. Любопытно, что, по свидетельству летописцев, Волхвы появлялись в городах всегда внезапно и неожиданно (так было в Суздале, Ростове, Ярославле, Новгороде и т.д.), поднимая и возглавляя шедший за ними народ на борьбу с засильем князей, с насаждаемой из Киева пагубной чужеземной религией и её прихвостнями.

Можно ли, хотя бы условно, назвать Волхвов шаманами? Можно, если, конечно, понимать обозначение «шаманизм» в его расширительном значении, как способ «касания Мирам Иным».

Судя по сравнительно-историческим материалам, явления шаманизма в той или иной мере и обличье были свойственны всем народам, и нет оснований считать, что славяне были исключением. Восточные славяне, как и все другие народы, имели своих мистиков-экстатиков (ведунов и ведьм). Нельзя, разумеется, говорить о нашем шаманизме в том же смысле, что о шаманизме сибирском, алтайском или лапландском, т.е. о шаманизме в его собственном строгом значении, в его «чистом» виде.

Если же понимать под шаманизмом всякое феноменально-экстатическое, медиумически-трансовое, сомнамбулически-лунатическое проявление скрытых сил и способностей человека, обусловленное нахождением его в особом, исключительном психофизиологическом состоянии, то обнаружится немало «шаманских» черт и в религии наших Языческих Предков. Древнее Язычество восточных славян сохранило значительное количество проявлений, которые можно считать «шаманскими», если, опять-таки, говорить о шаманизме в широком значении слова.

* * *

Что такое шаманизм, или шаманство? Что собой представляет этот своеобразный религиозный культ, который знали самые разные племена Земли и который по сей день сохранился у многих народов?

Вопрос этот многократно ставился в научной литературе, и решался он почти всегда по-разному. Вот уже несколько веков над феноменом шаманства безуспешно бьются тысячи исследователей, предлагая множество разнообразнейших взаимоисключающих суждений и предположений.

Научная литература по шаманству огромна и изобилует спорными и подчас крайне противоречивыми мнениями, не говоря уже о том, что попытки наивно-рационалистически объяснить феномен и дать ему сколько-нибудь разумное толкование с позиций современной науки выглядят, мягко говоря, бледно. Кроме того, подавляющее большинство из них касается, в основном, лишь внешней стороны шаманского «искусства».

Шаманизм, который можно назвать палеолитическим Язычеством [18], – это, пожалуй, наиболее загадочный, наиболее малоизученный, наиболее третируемый и гонимый из всех доживших до наших дней религиозных культов. О подлинном шаманизме известно очень немного, но и это немного искажено, как и всё то, что касается древнейших немонотеистических религий. Мы видим в ночном озере отражение Луны, лунного света. Но Луна лишена собственного света; её свет – это отражённый свет Солнца. И мы видим в воде отражение отражения. Так и с первобытной культурой. Впрочем, как известно, всякое сравнение хромает, и потому сказанное может служить только подспорьем для уяснения всей сложности вопроса, отнюдь не притязая на что-либо большее.

Много написано и о современных проявлениях шаманизма, однако мало кто повествует о них так непредвзято и правдиво, как, например, Фарли Моуэт в «Людах оленьего края».

Фундаментальный теоретический труд «Шаманизм», принадлежащий перу известного румынского религиоведа Мирча Элиадэ, содержит огромное количество собранных им материалов, однако автор, довольствуясь описательной стороной феноменов, даже и не пытается вникнуть в их сокровенную, но-уменьальную суть. К тому же вывод, который делает исследователь, выглядит довольно искусственным, произвольным и малоубедительным. В конце книги

Элиадэ пишет, что «шаманизм следует считать архаической техникой экстаза, в основе которой заложена первичная идеология – вера во Всевышнее небесное Существо, с которым можно поддерживать прямые отношения путём вознесения на Небо» (М. Элиадэ. Шаманизм. С. 464).

Сие заключение есть не что иное, как дань модной в те годы клерикальной теории так называемого «прамонотеизма», стремящейся увязать это «Существо» с представлением о некоем надприродном патриархальном боготворце. Этнограф Э. Лэнг и католический патер В. Шмидт, предложившие эту теорию, полагали, будто первобытная религия (до позднейших наслоений) в сущности признавала и почитала единого небесного бога-отца-творца, подобного библейскому Иегове. Но эти церковные домыслы лишь пытаются выдать желаемое за действительное. Естественная Языческая религия не знала ни «бога-отца», ни «творца Неба и Земли», а почитала Единой Самобытной Одухотворённой Сущностью САМУ МАТЬ-ПРИРОДУ С ПРИСУЩИМИ ЕЙ ВОЛШЕБНЫМИ ТВОРЧЕСКИМИ СИЛАМИ-ДУХАМИ.

* * *

ЖИВАЯ ПРИРОДА ЕСТЬ ВЕЛИЧАЙШЕЕ ЧУДО. Это утверждение может на первый взгляд показаться избитой истиной, однако в действительности речь здесь идёт о глубоком заблуждении, свойственном огромному большинству людей, думающих, будто чудеса обязательно связаны с небесами. «Тот Мир» не более чудесен и не более загадочен, чем наш. Возможно, он даже более условно-познаваем для его обитателей.

Но проникнуть туда можно только в сомнамбулическом трансе, т.е. в состоянии изменённого сознания: такова оккультная аксиома. Глубина проникновения обычно напрямую зависит от глубины транса, т.е. от степени ослабления телесных уз, сковывающих душу.

Изредка рождаются люди, одарённые от Природы необыкновенной чуткостью души. Их называют Ведунами и Ведьмами, и им бывает свойственно ЕСТЕСТВЕННОЕ ОТКРОВЕНИЕ – ВЕДОВСТВО. Иногда во сне или в лунатической дрёме, либо в так называемых «пограничных ситуациях» [19], либо в мгновения чрезвычайной эмоциональной окрылённости – экзальтации – они имеют вещие видения, отчасти являющиеся визуализацией их необычайно развитой интуиции.

Но, помимо и независимо от этих избранников Природы, издревле существует целая наука о путях ИСКУССТВЕННОГО приведения себя в экстатическое состояние [20].

Шаманизм – это не какая-то отдельная Языческая религия, а некая культовая практика; применение особых приёмов экстатического общения с Духами. Последних следует понимать в самом широком значении, включающем не только богов, гениев, демонов, не только Предков-Покровителей и души умерших, но вообще самые различные, здешние и нездешние нечеловеческие Силы, Сущности и Существа, обитающие в Природе, как-то: духовные

монады, населяющие стихии (духи воздушные, подземельные, водяные, лесные и т.д.), души животных и растений, планетные и звёздные духи, а также иные таинственные эфирные и астральные Силы.

Исполняя свой обряд, шаман, как правило, поёт, пляшет, кружится, призывает Духов и под конец, доведя себя до исступления, впадает в обморочное состояние «одержимости Духами». Через некоторое время, придя в себя, очнувшись (т.е. открыв очи), он рассказывает о том, что видела его душа в Стране Духов.

Упрощённо говоря, шаманизм в первобытном Язычестве был, в известном смысле, тем же, чем были экстатические культы внутри разных религий: вакхические хороводы в античной Греции, оргиастические пляски салиев («скакунов») в Риме, тантризм в индуизме, вертящиеся дервиши в исламе, «плясовые молитвы посолонь» духовных христиан («хлыстов») в православии и т.д. Некоторые приёмы шаманского камлания используются и сейчас на спиритических сеансах.

Достигнув ритуального экстаза (войдя в транс), шаман способен использовать такие диковинные силы и возможности человеческого организма, которые не обнаруживаются («спят») в обычном состоянии и подчас кажутся сверхъестественными, не менее фантастическими, чем способности огнеходцев и филиппинских хилеров.

Шаманы могут выделять «душу» из её телесной оболочки и посылать её не только в дальние страны, но и на «Тот Свет». Могут проникать не только в различные пространства, но и в разное время – в прошлое и будущее. Они угадывают самые сокровенные мысли других людей, их внутренний взор видит сквозь стены, они могут делаться невидимыми, появляться в одно и то же время в различных местах, оборачиваться птицей или зверем. Но всё это бывает возможным только в бессознательном (с точки зрения «нормального» сознания) и бесчувственном (с точки зрения обычных пяти чувств) состоянии глубокого самопроизвольного транс-припадка.

Шаман достигает этого желанного состояния, устраняющего преграду между ним и миром Духов, в кульминационной точке камлания; в момент наивысшего напряжения своих физических сил, когда он, наэлектризованный бешеной пляской, падает вдруг, как подкошенный, и вся его внешняя активность непостижимым образом переходит во внутреннюю активность души.

Достижение шаманом такого состояния, позволяющего душе видеть одинаково далеко как в пространстве, так и во времени, считается большим искусством, однако происходит при камлании не всегда и зависит как от психического настроения шамана, так и от других известных и не известных причин.

Феномены шаманства принадлежат к обширной и загадочной области самогипноза, а о том, какую громадную роль самогипноз, или аутосомнамбулизм (самовнушение), играет не только в медицине, но и вообще в жизни, говорить не приходится. Широкая распространённость паранормальных явлений,

возникающих на почве самовнушаемости, их необычайность, порой граничащая с чудесами, вызвала в научной среде пристальное к ним внимание, вследствие чего произошло даже злоупотребление самим неопределённым понятием «самовнушение». Оно стало палочкой-выручалочкой, тем таинственным искомым, которое всегда подставляли, когда чего-либо не понимали в психофизиологии. Всюду, где учёные сталкивались с каким-нибудь необъяснимым явлением, они объявляли его следствием самовнушения, т.е. попросту подменяли одну проблему другой. Самовнушение, конечно, могущественная, почти беспредельная сила, но что это такое? В наше время мы знаем об этом не более чем во времена Гиппократ и Аристотеля [21]. «Животный магнетизм, если хотите, есть не что иное, как особенное название общего нашего невежества», – писал В.И. Даль в исследовании «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» (СПб.-М., 1880).

Гипнотизм, аутогипнотизм, внушение, самовнушение – это новые научные названия старого «суеверия», называвшегося прежде волшебством, нашёптыванием, колдовством, чародейством.

Необходимо заметить, что настоящие шаманы – это люди особого психофизиологического склада, как правило (хотя и не всегда) подверженные или предрасположенные к различным видам истерозэпилепсии, обычно наследственной [22]. Клинические случаи истерии и экспериментальные исследования гипнологов и психотерапевтов демонстрируют подчас даже более невероятные феномены, чем те, которые совершает шаман в своём неистовстве; например, отклонение магнитной стрелки компаса волей находящегося в трансе субъекта.

В высших стадиях сомнамбулического транса [23] и родственных ему исключительных, экстатически-трансовых состояниях, ставящих человека в качественно новые отношения к внешнему миру, меняются формы и способы его познания и наблюдается совершенно необычайный, сверхчувственный их характер. Клинические опыты засвидетельствовали не только различные формы ясновидения, парадиагностики, мысленного внушения на расстоянии и феномен внушенной регрессии возраста, но и пробуждение памяти о прошлых жизнях.

Изучение сомнамбулизма имеет свои трудности, заключающиеся в том, что явления сомнамбулизма относительно редки, поскольку не все люди, подвергающиеся гипнотическому воздействию, могут быть доведены до сомнамбулической стадии. Но даже и среди предрасположенных к сомнамбулизму индивидуумов далеко не у всех пробуждается сверхчувственное сознание [24].

Известно, что подавляющее большинство таких индивидуумов является женщинами. Женщине генетически присуща особая сила интуитивного предчувствия, восприимчивость к магнетическим токам, чуткость к тонким влияниям невидимого мира.

Представления об особых волшебных способностях женщины исстари бытовали не только у индоевропейцев, но и у многих других племён Земли. Древ-

ние почитали одарённых ясновидческим прозрением женщин как великих вдохновительниц народов, вещих прорицательниц и целительниц.

Средневековые демонологи недоумевали: почему женщина настолько больше склонна к чародейству, чем мужчина, что на каждые десять тысяч сожжённых ведьм приходится только один колдун? В том, что женщина гораздо более предрасположена к волхвованию, не сомневались и монахи-летописцы: в «Повести временных лет» под 1071 г. записано, что «особенно же через женщин бесовские волхования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, а она – мужчину». Обращает на себя внимание и то, что в русском языке слово «кликуша» существует только в женском роде.

С глубокой древности и вплоть до наших дней среди коренных народностей Сибири, а также среди индейцев Сев. Америки шаманок и знахарок в процентном отношении намного больше, чем шаманов и знахарей.

У тувинцев, алтайцев, бурят, якутов, чукчей, эвенков, обских угров, удэгейцев, гиляков, айнов, камчадалов, эскимосов и многих других народов в преданиях о возникновении шаманства первым шаманом всегда выступала Женщина.

Предания эти указывают на первенствующую культовую роль женщин в глубокой древности; на то, что шаманство появилось впервые именно как женское шаманство во времена материнского рода.

Чем архаичнее (т.е. чище, естественнее) культ, тем большее место в нём занимают женщины (сравните с позднейшими монотеистическими конфессиями). Шаманство в хорошем смысле слова, как традиция целительства и прорицания, исторически восходит к материнскому общинно-родовому строю (так называемому матриархату) и соответствующим ему первобытным религиозным представлениям, связанным с почитанием живородящей Матери-Земли и вообще сакрального Женского Начала во Вселенной.

Тогда преобладали хтонические, теллурические культы, культы Женских Божеств и женские олицетворения различных Стихий и Сил Природы, а исполнением семейно-родовых и общеплеменных священнодейств вершила Женщина, чей магический престиж и незыблемый авторитет основывался на преемственности полученного некогда от самой ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ-ПРИРОДЫ откровения.

Женщина продолжает Род; поэтому она ближе к могущественным Духам-Покровителям и ей ведомы вести «оттуда». Самыми сильными матёрыми шаманами первозданной Высокой Архаики были женщины – избранницы Духов. Валькирия – оборотень Фрейя – научила Одина чародейству, а в наших волшебных сказках героя учит Баба-Яга – тоже могучий шаман – оборотень в наиболее подлинном своём выражении.

Поэтому и в позднейшую эпоху отцовского рода (патриархата) шаман-мужчина во время камлания стремился уподобляться женщине и подражать ей и в поведении, и в одежде, и в причёске.

В шаманском одеянии целого ряда народов нередко встречались и встречаются признаки женской одежды, в особенности головной убор. Вплоть до настоящего времени некоторые шаманы-мужчины заплетают волосы в косы, а перед камланием распускают их (волосам, особенно женским, издревле приписывалась особая магическая сила). Эти шаманы надевают также женский ритуальный наряд (шаманскую юбку и кофту) или изображают на своей обрядовой одежде женские груди, дабы показать женскую сторону своего естества, облегчающую общение с Духами.

Такое символическое превращение пола есть не что иное, как пережиток, свидетельствующий о том, что в древнейшем шаманизме преобладающее значение имели женщины – МИСТИЧЕСКИЕ САМКИ, – опирающиеся на свою врождённую шаманскую силу.

Известно, что древние германцы ещё в первые столетия н.э. сохраняли многие, весьма сильные остаточные явления материнско-родового общества. Особенно это прослеживалось в северо-восточных землях, где продолжали почитать Богиню Нертю – Мать-Землю. Именно здесь, в племени наганарвалов, обряды исполнял жрец, одетый, по словам Тацита, в женское платье (Германия, гл. 43). Что имел в виду Тацит, сам же писавший, что «верхняя одежда у всех (простых германцев) – короткий плащ»? Очевидно, жрец носил более длинную, чем все другие, одежду, наподобие белых мантий жриц из войска кимвров.

Любопытно, что одна из миниатюр известной Радзивилловской летописи (1071 г.) изображает Волхва, одетого в длинное до пят белое одеяние с широкими рукавами и с множеством крупных пуговиц-оберегов. На плечье – плохо различимый, по-видимому, солярно-свастичный орнамент. Волхв длинноволос, но безбород, а стоящие за ним его сподвижники – в более короткой одежде и с более короткими волосами.

Хотя иудеи и считали женщину существом изначально низшим, неполноценным и нечистым, а Язычество – дьявольщиной, они многое отсюда заимствовали. Е.П. Блаватская в «Изиде без покрывала», указывая на чрезвычайное сходство или даже идентичность церемониальных одеяний церковников и священнослужителей архаичных Языческих культов, пишет, что «древняя епитрахиль епископа является женским знаком, когда его носит жрец во время богослужения».

В «Повести временных лет» под 1071 г. записано: «В те же времена явился волхв, одержимый бесом».

Как считает Н.Н. Велецкая (Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 2003. С. 75), «бесование» волхвов, о котором говорится также и в других местах летописи, «указывает на ритуальные действия. С уверенностью можно полагать произнесение нараспев ритуальных текстов, сопровождающихся ритуальными движениями в виде кружений, приплясываний, может быть, наподобие экстатических верчений болгарских нестинарий».

Известно, что соседствующие со славянорусами финно-угорские племена практиковали шаманство. В.Н. Татищев в «Истории Российской» (т. 1) передаёт летописный рассказ: «Приключилось некоему новгородцу приити в Чудь, и прииде к кудеснику, хотя волхвования от него. Он же по обычаю своему нача призывать бесы во храмину свою. Новгородцу ж седящу на празе храмины тоя, кудесник же ляже, оцепенев, и шибе им бес...». Изображение кудесника, лежащего в самогипнотическом трансе, есть на миниатюре Радзивиловской летописи.

«Что и славянские волхвы шаманили, я заключаю из упоминания в наших поучениях «вертимого плясания», как самого ненавистного», – пишет Аничков в книге «Язычество и Древняя Русь», имея в виду церковные поношения Язычества. Однако нигде, ни разу в них не говорилось о том, что плясали именно Волхвы. Нет об этом никаких упоминаний и в других исторических источниках, как справедливо отмечает А.А. Белкин в монографии «Русские скоморохи» (М., 1975).

В любом случае, самозабвенная экзальтация Волхвов не была похожа на шаманскую одержимость. Вдохновенному визионерству Волхва, если он истинный и природжённый, а не просто следствие аномального развития человеческого психофизиологического организма, чужд всякий чрезмерный религиозный фанатизм, искусственное возбуждение, истязание плоти и т.п.

Религиозные переживания Волхва, связанные с расширением границ восприятия, почти всегда имеют экстатически-трансовый характер, но это – не шаманская магическая «техника экстаза» и не камлание, а проникновенное мистическое созерцание, проистекающее из естественного источника [25].

Волхв не впадал в полное беспмятство; оставаясь в полубессознательном как бы забытии, он не терял совершенно сознания всего окружающего. Ведовской транс являлся скорее не каталептическим шаманским припадком, а состоянием восторженного исступления. Транс был призван помочь ослабить телесные узы и приблизиться к восприятию сверхчувственного мира через экстаз [26]. На это указывают сохранившиеся в нашем языке архаичные обороты речи: «выйти из себя» (т.е. покинуть на время в какой-то мере свою плотную оболочку), «пребывать вне себя», «прийти в себя» и т.п., имевшие некогда вполне прямой ведовский смысл.

Такое состояние, погашая частично или даже полностью головное, чувственное сознание, возвышалось до степени экстатического видения, проникающего за пределы явного мира. Видения, словно в тумане проходящие перед внутренним взором ясновидца, были настолько реальными (насколько видение может быть вообще реальным), что впоследствии ему даже казалось, что всё это он видел наяву своими смертными очами; теми очами, которыми он смотрит на вещи материального мира.

Летописец не сообщает, и мы не знаем, не будем гадать, в каком состоянии находился Волхв, предрекший Олегу смерть от любимого коня. Одно можно сказать с уверенностью: прежде чем дать ответ на вопрос князя, Волхв (даже самый сильный) должен был погрузиться в сумеречное состояние сознания большей или меньшей глубины. И потому прорицание не могло произойти так просто, как в известном стихотворении Пушкина. И это тот случай, когда гениальная поэтическая интуиция не помогла.

* * *

Объективным основанием возможности естественного ведовства является существование ВСЕЛЕНСКОГО БИОПОЛЯ.

Всё сущее в Мироздании объединено полевыми (энерго-информационными) симпатическими связями в единый Сверхорганизм – ЖИВУЮ ВСЕЛЕННУЮ.

Эта всепроникающая полевая субстанция одухотворяет и наполняет собою, то есть Жизнью, всю Природу. Биотоки, пульсирующие и связующие этот Космический Организм, образуют многослойное, но единое СИЛОВОЕ ПОЛЕ [27].

Все мы – тонкие колоски этого ВСЕМИРНОГО СИМПАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ.

Находясь в особом состоянии расширенного сознания, обуславливающего возможность ведовства, человек непосредственно, в силу органического сродства и сопричастности полевой природы своей души (своего биоэнергетического микрокосма) Макрокосмическому Биополю, сердцем чувствует незримую, подспудную взаимосвязь существ и событий, потаённую от обычного наблюдателя.

Ведовство идёт изнутри: Ведьма бессознательно знает ВСЁ.

«Человек! Познай Самого Себя, и Ты познаешь Богов и Вселенную!» – именно так следует понимать загадочное изречение Дельфийской Пифии.

Можно сказать, что психическое зрение Ведьмы (подобно путешествиям, полётам шамана в иные миры) есть не что иное, как «подключение» их подсознания (их мысленного взора) ко всей полноте Великой Общности Жизни; к энерго-информационному полю Вселенной. Это что-то вроде некоего всемирного хранилища, глобального банка данных, где заложена информация

обо всём, что было в прошлом, есть сейчас и случится в будущем; обо всех когда-то живших и ныне живущих на Земле существах.

В силу закона сохранения Энергии ничто в Природе не теряется, не исчезает бесследно. Мыслительные процессы протекают на уровне психо-энергетических полей, и каждая глубокая, самобытная, правдивая мысль, порождённая человеческим мозгом, уходит затем в эти силовые поля и живёт там в виде энергетических волн. Погружаясь в великое безбрежное море сознания или вместилище памяти, в этот как бы архив, содержащий в нетронутом, неспутанном виде чувства, знания и опыт всех людей и времён, Ведьма отыскивает следы того, что давным-давно предано забвению и погребено под спудом тысячелетий [28].

По-видимому, Волхвы и Ведьмы были не просто сильными медиумами-экстатиками, но были способны переводить поток информации (Вещее Знание) с бессознательного уровня психики на уровень сознания.

Вселенная соткана из мириадом вибраций. Чем более человек совершенствуется на пути чистосердечного, бескорыстного служения Добру, тем в большей гармонии с чистейшими из них вибрирует его индивидуальная психо-плазма, тем более чувствительным (вернее, сверхчувствительным) становится он к тончайшим влияниям Космоса и тем больше впечатлений может он воспринять из иных пространственно-временных измерений бытия [29].

Можно в это верить или не верить, хотя вера присутствует в любом случае. Ведь люди, которые «не верят» в мистику, просто верят в отсутствие мистики. Но такая вера обычно заводит в тупик.

* * *

Волхвы назывались также баянами, т.е. певцами-сказителями-заклинателями (баять – значит заговаривать, обаятельный – то же самое, что очаровательный, обворожительный).

Баян – не личное имя (хотя в «Слове о полку Игореве» упоминается определённый Баян Вещий), а звание песнотворца-прорицателя-оборотня, чьё магическое обаяние чаровало людей, зверей и стихии.

Слово «песнь» в древности означало поэзию, а поэзия именовалась «языком Богов».

Песнопевец и волшебник некогда были тождественными понятиями. Тогда каждый поэт был более или менее ясновидцем и вещуном, врачевателем и заклинателем, знавшим оккультную силу напевного ритмического слова.

Глубока и неразрывна связь Мистики и высокой Поэзии. Не случайно торжественное и благоговейное отношение древних к вещим поэтам, «в стихи облакавшим прорицания» (Гораций). У всех народов вдохновенное песнотвор-

чество почиталось священнодействием, а дар поэтической импровизации считался даром, ниспосланным Свыше, «Музой внушённым напевом» (Шиллер).

«Божественным пением Боги тебя одарили», – обращается Одиссей к слепому Демодоксу. Гораций называет Орфея «свщеннослужителем и истолкователем воли Богов».

Тайна религиозного вдохновения и вдохновения поэтического, в сущности, одна. «Вдохновение и неистовство... от Муз исходящее, охватив нежную и чистую душу, пробуждает её и приводит в вакхическое состояние, которое изливается в песнях и во всём прочем (поэтическом) творчестве...» (Платон. «Федр», 245).

Вообще состояние творческого экстаза родственно другим экстатически-трансовым состояниям. Ныне с помощью термографии нейрофизиологами зафиксировано, что в состоянии творческого экстаза в мозг поэта (художника, композитора) поступает огромное количество энергии, и у него развивается изменённое состояние сознания.

У всех древних (вернее говоря, юных) народов представления о поэтическом экстазе были те же, что и об экстазе ведовском, пророческом. Знаменательно, что Пифии предсказывали стихами [30].

Ведовство находится в теснейшей связи с даром поэтической импровизации, с развитием поэзии, эпоса и фольклора вообще. Настоящий Поэт всегда был Волхвом, а настоящий Волхв – Поэтом.

Во многих языках слова «провидец», «пророк» и «поэт» звучат одинаково. По-латыни «кармен» – это и песня, и стихотворение, и заговор. Латинское «ватес» означает одновременно «поэт», «пророк», «жрец». У финнов слова «певец» и «вещий» были синонимами. У нас в «Слове» говорится о Баяне Вещем.

У древних арийцев (индоиранских племён) поэтов-прорицателей называли кави, или риши. Известный учёный Стеблин-Каменский считает, что понятие «кави» этимологически родственно славянорусскому «чуть».

В северных сагах Один именуется Богом поэзии, песни и рунических заклинаний, а волшебное искусство стихосложения считается его даром. Рунопевец Вейнемейнен в «Калевале» не кто иной, как шаман-кудесник-оборотень, чья сила заключается в знании им рун-заговоров.

Филиды – носители древнеирландской Языческой традиции – были поэтами-провидцами. Таковыми же были древнегреческие рапсоды, старофранцузские труверы, южнославянские странствующие певцы – «слепачи». Сюда же можно отнести и норвежских скальдов, и древнеаравийских шаиринов, и севернотюркских акынов, и монголо-ойротских тульчи и т.д.

Барды кельтских племён причислялись к друидам. По свидетельству римских авторов, их песнотворчество часто приобретало форму словесного состязания, когда каждый из участников стремился достичь состояния экстатического транса, в котором он мог бы общаться с Духами и обрести дар пророчества. Неустрашимая, безумная отвага, проявляемая обречёнными кельтами в борьбе со своими победителями-римлянами, проистекала из того воодушевления, которое вызывали в них песни бардов, воспевавших подвиги древних героев.

У нас хранителями культурных традиции и заветов Пращуров были родоплеменные певцы-баяны, знатоки священных преданий-кощун, истолкователи таинственных природных знамений, носители самобытной исторической памяти. Память эта жила на устах и в гусях певцов, прославлявших доблесть, верность, любовь.

Прямое указание на то, что исполнитель кощун впадал в особое восторженно-самозабвенное состояние, мы находим в «Слове о полку Игореве»: «Баян... свои вещие персты на живые струны воскладал; они же САМИ (выделено нами – Д.) князьям славу рокотали...».

Очевидно, что в подобном же экстатически-трансовом состоянии высочайшего душевного подъёма должны были находиться Волхвы, «читавшие» своим внутренним взором то, что на Роду написано.

* * *

Никто не знает, где, когда, как и почему возникла человеческая речь: мифы и предания всех народов приписывают ей чудесное происхождение (к такому же заключению приходят и некоторые филологи).

Любое слово изначально представляло собой некую священную формулу; поэтому есть основания говорить о ритуальном зарождении языка.

«Подобно тому как древнейшие языки – самые совершенные, так совершеннее всего и древнейшие религии», – писал Шопенгауэр. Но давно утерян тот Вещий Первоязык, слова и понятия которого соответствовали истинной сути вещей, существ, явлений, событий. Тогда правильное звуковое сочетание давало правильное представление о познаваемом.

В первобытном мышлении слово неотделимо от вещи, сливается с нею в одно. В сознании слово мгновенно вызывает образ вещи, а отсюда уверенность в таинственной связи между ними и в магически-творческой силе слова, когда произнесение верного слова (его энергоёмкая мощь) могло произвести исполнение действия [31].

Каждый звук имеет свою форму в невидимом пространстве, и голосовая вибрация, вызываемая определёнными звукосочетаниями, производит особые изменения в психофизическом организме человека, создаёт особый настрой, пробуждает дремлющие пласты подсознания. Звуковые вибрации на бессос-

знательном уровне воздействуют на человека, воодушевляя или, напротив, угнетая его. Торжественный напев врачует: это знают психотерапевты. Слово «врач» – от глагола «врать», первичное значение которого – «говорить». Первоначально врач – «врущий», т.е. заговаривающий волшебник-знахарь, нараспев произносящий заговоры-обереги, основанные на магической силе воздействия слова и ритма.

Слово – это звуковой образ вещи, явления, вообще чего-либо. Его смысловое значение воздействует на сознание, а его звучание (правильный лад звуковых сил) – на глубинную, психоэмоциональную, биоэнергетическую сущность личности. Определённые последовательные сочетания частот звуков способствуют проявлению скрытых возможностей человека. Ещё более могущественно заклинание, то есть совокупность нужных слов. Заклинание – это слова, заряженные завораживающей силой, хотя порой некоторые из этих слов даже не имеют смысла.

Л. Майков, А. Блок и особенно Велимир Хлебников обратили внимание на целый ряд так называемых заумных слов в древнерусских распевных заговорах, пытаюсь понять их значение. Нередко в этих словах встречаются одинаковые сочетания звуков, такие же, какие присутствуют в шаманском камлании и вообще в глоссолалии, когда люди в трансе на особом (заумном) ином языке общаются с Духами. Возможно, что некоторые заговорные слова вообще лишены этимологии и представляют собой последовательные звукосочетания, вызывающие определенные психофизические реакции, подобно нерасшифрованному до сих пор санскритскому Ом, имеющему сакральный смысл в индуизме [32].

Баяны-Волхвы сознательно и неосознанно искали и находили звуковые сочетания, резонирующие, вибрирующие в унисон с человеческими и природными биоритмами, с пульсациями Вселенной. Заговоры имели определённую звуковую соразмерность, свою особую энергетику, вызывающую отзвук исполнительской мощи земных и небесных Стихий.

«Эзотерическая наука учит, что каждый звук в видимом мире пробуждает соответствующий звук в невидимых сферах и приводит в действие те или иные силы в оккультной стороне Природы», – пишет Е.П. Блаватская.

Любая звуковая вибрация (и даже безмолвная мысль) находит созвучие или, напротив, диссонирует с теми или другими волнами космических энергий-излучений. В Космосе есть жизнотворные ритмические структуры, различные прана-ритмы. В заговорах есть определённые ритмы, выходящие к этим вибрациям. Можно сказать, что заговоры – это камертоны для соответствующей настройки, своего рода «окна» во Вселенную. Но можно выйти на тонкие (высокоэнергетические) вибрации и «просто» через СЕРДЦЕ.

Волхвы почитались, прежде всего, как праведники, самые уважаемые люди, которым позволялось безнаказанно говорить правду в глаза князьям и народу. Благодаря своей правдивости они имели преимущественное право выступать на народных собраниях-вече.

Речь есть таинство для Волхва. В каждом его слове – память прошлого и предощущение будущего; каждое слово для него самоценно, по-своему одушевлено, и он их на ветер не бросает. «Умей быть вещим или молчи» (Бальмонт).

Лгут люди. Язык же, сам по себе, никогда не лжёт; быть правдивым и точным – его назначение. Высокая Поэзия всегда правдива и безыскусственна [33].

Прислушиваясь к велениям Свыше, откуда идёт весть, Поэт провозглашает Правду. «Сама Повелительница Фей заклала мои уста. Не могут они произнести ни слова лжи, если б даже и захотел я покривить душой», – говорит знаменитый шотландский поэт-прорицатель XIII в. Томас Лермонт, которого М.Ю. Лермонтов считал своим предком и мистическим вдохновителем.

Известна потрясающая мощь слова, в котором запечатлена Правда. Тот, кто говорит только Правду, развивает силу материализации своих слов. Праведник, достигший состояния постоянной правдивости, получал вместе с тем власть над словом; каждое слово его обретало силу заклания, и даже шёпот поражал сильнее грома.

Заклинание – это воплощенная Воля. Воля воплощается в слово, слово – в действие. Это и есть ВОЛШЕБСТВО.

Добрая Воля, насыщающая особой священной мощью слова Волхва, творит чудеса. На этом основана действенность врачующих заговоров. Добрая Воля жива и бессмертна. Голая же мысль, взятая сама по себе, бездуховна и бесплодна. Силой творить события, вызывать явления, исцелять друзей и укрощать врагов обладает лишь мысль, обуянная Доброй Волей.

Подлинная Знахарка, пробуждая жизненные силы больного, не прибегает ни к каким магическим ухищрениям. Она воздействует на внутренний организм непосредственно флюидическими истечениями своего льющегося через край доброжелательства. Но она же может грозно-безмолвной волей своей сковать волю чужую, злую; было у Язычников такое имя – Доброгнева.

Заговор может быть и беззвучным, если Волхв или Ведьма доходят в своём служении Добру до той степени, когда их благие сердечные порывы сами по себе облакаются тонкой живительной плотью и для их осуществления уже не требуется ни произнесение тех или иных заповедных слов, ни соблюдение того или иного ритуала.

«Умоюсь утреннюю росую, утрюсь светлую луною, оденусь утреннюю ясною красною зарёю...» Или: «Оденусь светлую зарёю, покроюсь облаками с частыми звёздами, опояшусь буйным ветром...» Так начинаются распевные древнерусские Языческие заговоры-обереги. И здесь не просто красочные иносказания, не просто поэтические метафоры, как полагали Афанасьев, Буславев, Потеня, Миллер и другие представители мифологической школы. Здесь отголоски того мироощущения, какое некогда действительно переживал в лунатическом трансе Знахарь, душою сливаясь со всей полнотой планетарной и вселенской Жизни.

Он уже не просто человек, для которого Природа есть нечто внешнее. Разлука преодолевается, грани стираются в радостном объятии родственных Стихий. Свершается ВЫСШАЯ МИСТЕРИЯ ЖИЗНИ – самоотожествление человеческого Я со всем сущим.

В таком состоянии человек ощущает свою глубочайшую, симбиотическую связь с Землёй. Ему становятся доступны самые тонкие и потаённые движения в Природе: он может проникнуть в мироощущение любого живого существа, ему ведомо молчание дерева и внятно дыхание трав.

«Оболкнусь я оболочком...», то есть облекусь в духовную плоть, – так порой говорится в заговорах. Несомненно изначально сакральное содержание слова «облако». Облака – это облачение Духов. Именно этим и объясняется то, что в русском обрядовом фольклоре такое большое значение придаётся облаку. Полоцкий князь Всеслав-Чародей, у которого, согласно летописи, «вещая душа была в отважном теле», в «Слове о полку Игореве» «обесися сине мгле», то есть обернулся синим облаком.

По всей видимости, в древних заговорах упоминаются волшебные обряды, которые когда-то давным-давно творились на самом деле, но затем мало-помалу утратили свою былую силу, утратили свой прямой смысл и в конце концов превратились просто в устные описания.

В 1917 г. в Петрограде вышло в свет исследование русского фольклориста Н.Ф. Познанского «Заговоры», где автор, на основании огромного фактического материала, убедительно показал, что словесные описания магических действий, содержащиеся в заговорах, представляют собой реликты действий, некогда реально совершавшихся.

Первоначально обряд являлся действием без всяких слов; слова были не нужны, а если и произносились сопровождающие обряд словесные формулы-заклинания, то играли они второстепенную, вспомогательную роль, служа лишь средством для сосредоточения воли и мысли.

В славянских и балтийских языках сохранился древнейший индоевропейский корень «вед», означавший «знание», «познание». Но имелось в виду не обычное умозрительное познание, а сердечное, интуитивное, сокровенное.

Лингвисты указывают также на сходство архаичного индоевропейского корня «вид – вед» с нашими словами «видеть – ведать», восходящими к тем временам, когда познание Мира определялось, прежде всего, ведовским (трансовым) видением его, то есть внутренним сверхчувственным зрением – ясновидением. Тогда «видеть» означало «ведать», и наоборот.

Ведовское Знание (так же, как и Высшие Истины) бессловесно: оно сродни вещему телепатическому предчувствию. Его невозможно выразить словами («мысль изречённая есть ложь»), а лишь сопереживанием. Невозможно субъективный религиозный опыт сделать объектом исследования, препарировать, перевести в сухую книжную учёность. Тем более что все европейские языки и, прежде всего, наш иудеохристианизированы [34], выхолощены, обескровлены и практически мертвы. Искажены, опошлены или вовсе вытравлены слова, отражавшие весь пласт понятий, раскрывающих суть Языческого мировоззрения. Ныне слова потеряли своё энергетическое выражение, и люди пользуются языком, полностью утратившим свою магическую способность. То, что некогда было ЖИВЫМ СЛОВОМ, превратилось в лексику, в искусственные лингвистические построения.

Когда Языческие понятия наукообразно преподносятся современным языком, то неизбежно возникает профанация. Тем самым идейная суть Учения всё более и более обезличивается, расплывается в пустопорожнем словоблудии; получается, как на воде вилами писано.

Насколько жизненно важен для народа ЕГО родной язык – носитель национального самосознания, – объяснять не надо. Не зря же уже 1000 лет его сознательно уродуют чужеродные силы. Нам, Русичам, необходимо учиться общаться на СВОЁМ, РУССКОМ языке, возвращая в него смысл древних позабытых понятий КРОВИ И ПОЧВЫ. Через священную мощь чистых Языческих образов подключаться к глубинным своим корням и черпать там уверенность в Победе.

* * *

В далёкой первобытности у славян был культ Природы и культ Предков-Покровителей. Оба эти культа в большинстве случаев соприкасались и даже переплетались между собой. Почитание волшебных сил Природы и чествование Чуров-Пращуров сливалось в одно неразрывное целое.

В религиозном сознании Духи Предков сближались, сочетались, а подчас как бы отождествлялись с природными Духами-Силами. И это понятно: ведь умершие никуда не уходят из Природы, а только меняют своё обличье, оставаясь бессмертными в лоне Рода. Непрерывный жизненный поток продолжается после развоплощения и сливается с природным в великом коловращении сущего [35].

Покойники («родители») таинственным образом связаны со стихийными Духами и способны поэтому оказывать воздействие на природные, погодные явления.

Грани между обоими этими понятиями Духов-Сил-Сущностей зачастую размыты и иногда вовсе неощутимы. Отсюда – возможность их перевоплощения-оборотничества, проявления в переходных и смешанных обличьях. Сливаются, перемежаются, сочетаются образы человеческие и нечеловеческие. Совмещаются они по-разному: то одна, то другая сторона выступает на первый план, порождая причудливые образы Царевны-Лягушки, Лебедь-Девы или Ящурки-Хозяйки подземельной.

Со сложным, восходящим к материнскому родовому строю образом Русалок-Берегинь связывались представления о покровительствующих женских Предках-Праматерях (Прародительницах-Родоначальницах), и, одновременно, Русалки оборачивались дивными водными нимфами – воплощением животельных сил Матери-Земли. В сказаниях, бывальщинах, народных поверьях они выступают то самостоятельно, то, теряя очертания, вообще расплываются в порождающей их стихии.

Призрачные русые девы – не чуждые русскому селянину, не враждебные, они – родные; только иного, русалочьего племени. Из чудесного Тридевятого Царства они являлись не как жуткие привидения из другого, потустороннего мира, а как другая качественная («ночная») сторона той же самой действительности – Родной Природы.

В цельном Языческом мировидении не было резкого противопоставления явного и кажущегося, мира людей и мира Духов [36], «материального» и «духовного». Всё духовное в той или иной мере материализовывалось, а всё материальное – одушевлялось. О том, что материя есть только сгустки силы, Волхвы ведали задолго до «безумных» физических теорий. Так называемые чудеса были для них самоочевидностью, не заслуживающей какого-либо особого культового поклонения. Они не возводили своих кумиров в ранг небожителей и сынов божьих. Для них не было богов истинных и ложных, ибо не было богов вообще; вернее, боги не существовали в том смысле, как полагали люди [37]. Боги могли пониматься разве что как блюстители БОЖЕСТВЕННОЙ, ИЛИ ЕСТЕСТВЕННОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Языческая традиция вообще отрицает всякую догматику. Профанические авраамические религии основаны на вере, а Язычество – на живом, реальном религиозном опыте. Вера в то или иное «священное» писание не имеет никакого отношения к истинной, искренней религиозности, а потому чем ближе человек к тому или иному церковному «сверхъестественному» богу, тем дальше он от естественного БОЖЕСТВА-ПРИРОДЫ.

В первозданном Язычестве ещё нет противоестественного расщепления мира на естественный и сверхъестественный. Есть один СВЕЩЕННЫЙ МИР ПРИРОДЫ: мир людей, зверей, фей, демонов, оборотней... За всем многообразием видимой и невидимой Природы находится ЕДИНАЯ ЖИВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

На каком-то самом глубинном, корневом, сокровенном уровне Жизни [38] всё родственно и нет ничего заведомо «мёртвого». Мир множествен, но един, и

потому нет непреодолимой пропасти между родовыми Духами-Предками и Духами Родной Природы, Родного Края, с которым Волхв связывал свою судьбу и могучую силу своих Духов-Покровителей.

Умерший уходил на тот Свет, к «Роду своему». Род существовал как бы в двух мирах – на этом и на том Свете. Род, живущий на этом Свете, можно уподобить видимой, малой части ледяной горы, тогда как Род, обитающий на том Свете, – подводной, большей части. Мир земной и мир потусторонний неразрывно взаимосвязаны и, составляя одно целое, в конечном счёте – единый Вселенский Организм, населённый существами различного порядка, – влияют друг на друга.

Да и вообще различие между этими мирами носит не принципиальный, а условный характер. Потусторонний мир – не какой-то нездешний, небесный, сверхъестественный мир: он – здесь, рядом, окружает и проникает нас со всех сторон; только он и его обитатели находятся ПО ТУ СТОРОНУ нашего обычного чувственного восприятия.

Силы-Сущности, чьи действия превышают человеческое разумение, могут иметь двойственные характеристики и принадлежать одновременно обоим мирам: «дневной» и «ночной» сторонам Природы.

Отсутствие резкой расчленённости в Языческих представлениях о Духах умерших и стихийных Духах, туманные их переплетения дали повод известному философу-богослову Владимиру Соловьёву обозначить все древние Языческие религиозные представления как «смутный пандемонизм» (Соловьёв В.С. Первобытное язычество, его живые и мёртвые остатки. Собр. соч. СПб., 1911, т. VI). Это верно лишь отчасти, поскольку всё же проводилось различие между духами умерших и другими Духами, которые никогда не были людьми: несмотря на кажущуюся неразличимость, каждый разряд Духов, или анимистических образов, имел собственное определённое происхождение и мог проявляться самостоятельно.

* * *

Пантеистически-мистическое мировосприятие есть сердцевина неподдельной религиозности. Язычество – это не вера в богов, а **ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ЖИЗНИ**.

Монотеисты всех конфессий всегда клеймили Язычников обвинениями в грубом идолопоклонстве, подразумевая под этим обоготворение человекообразных болванов – истуканов. Но, во-первых, рукотворные идола принадлежат довольно-таки поздним временам; это – уже упадок Язычества как чистого природопочитания, отрыв от живой первоосновы, вырождение пантеизма в антропоморфный политеизм. «Боги» были очеловечены, а религия, имеющая теперь главным своим содержанием существование «богов», измельчала в экзотерическую боговщину.

А во-вторых, каждый понимал этих богов по-своему, в меру своего разумения, и для зрелых умов они были лишь символическими выражениями Вели-

ких Тайнодейств Природы, а внешняя форма идолопочитания признавалась только завесой, скрывающей Истинную Сущность подобно покрывалу Изиды.

Античные натурфилософы-пантеисты не отрицали существования богов как неких одухотворённых сил Природы, а лишь имели в виду, что они (боги) вовсе не такие, какими их представляют себе люди, переносящие на богов свои человеческие черты.

Великие мыслители почитали ПРИРОДУ КАК ЕДИНУЮ БОЖЕСТВЕННУЮ СУЩНОСТЬ, ВЫСШИЙ РАЗУМ ИЛИ ВСЕЛЕНСКОЕ СОЗНАНИЕ.

Так называемые боги были, по сути, не чем иным, как различными качественными проявлениями одной и той же БОЖЕСТВЕННОЙ МАТЕРИ-ПРИРОДЫ, Её таинственными животворящими Силами, которые просто не могут быть персонифицированы как Существа.

Натурфилософы отдавали дань уважения, но никогда не поклонялись и не превращали в идола какого-либо из этих богов или богинь. Они видели дальше, а идолы – это для близоруких. Гомеровские антропоморфные боги, хотя и бессмертные, но ограниченные в своём могуществе, доступные умилованию жертвами и мольбами, подверженные человеческим слабостям, вожделениям и взаимному обману, служили предметом насмешек ещё во времена Анаксимена и Анаксагора.

Знаменитая атеистическая поэма Лукреция Кара «О природе вещей» предвращается обращением к богине Венере. Ни Левкипп, ни Демокрит, ни Эпикур, ни Лукреций не были атеистами в позднейшем значении этого слова: они не сомневались в существовании богов, а лишь отказывались верить в конкретных человекоподобных богов, которым поклоняется толпа.

В Индии смысл такого атеизма передавался словом «настика», т.е. отрицание идолов, в том числе всех антропоморфных богов.

Сокровенное Учение мусульманских мистиков-суфиев можно назвать пантеистической теософией (по мнению Бируни, суфии называются так от греческ. слова «софос» – мудрец). Суфии воспринимают Природу как эманацию Божества.

Некоторые источники указывают, что Учение имеет несколько ступеней. Сначала ученик должен выполнять все предписанные исламом очищения и молитвы, ритуалы и церемонии. Сделавшись таким образом правоверным мусульманином, он «вводится в разряд познания» (поднимается на следующую ступень посвящения). Тогда ему разъясняют, что все внешние религиозные обрядности, которые он до сих пор ревностно выполнял, не имеют внутренней духовной ценности и что с этих пор он должен стремиться к тому, чтобы проникнуть в таинственную сущность БОЖЕСТВЕННОГО ВСЕЛЕНСКОГО РАЗУМА.

Величайшими поэтами, переложившими на стихи Учение суфиев, были Фирдоуси, Омар Хайам, Низами, Саади, Хафиз, Джами, Руми и другие. Суфизм как пантеистически-мистическое течение в исламе возник в Персии, среди индоевропейцев, чей дух не мог принять семитский монотеизм магометанства. И именно арийский дух облёк суфизм в прекрасные и величественные образы, мощно завладевающие человеческими мыслями и чувствами (император Акбар был суфием).

Все культурные ценности, что есть в исламе, созданы персами и таджиками. Почти вся так называемая «арабская философия» средневековья была творчеством персов-шиитов, писавших на господствовавшем тогда арабском языке. На это указывает известный историк-востоковед и семитолог Э. Ренан в своей «Истории цивилизации».

* * *

Пантеизм не проводит разграничения между Божеством и Природой. Высшая религиозная мысль никогда не упускала из виду, что все силы Природы есть лишь бесконечно разнообразные проявления единого в своей множественности Божества.

Но такое представление было труднодоступно обыденному религиозному сознанию, которое не могло держаться на столь отвлечённой идейной высоте и с течением времени стало видеть в этих проявлениях самостоятельные божества. Разрыв между изначальным Учением и религиозными воззрениями большей части общества неудержимо разрастался. Пантеизм остался достоянием немногих, могущих вместить всю его глубину, а упадочнический антропоморфный политеизм стал верой большинства [39].

Вместе с политеизмом возникает и профессиональное жречество, обслуживающее богов. Жрецы сочиняли и развивали искусственные и замысловатые богословско-мифологические системы. Они мнили себя особами, приближёнными к богам и даже способными влиять на них. Упрочению жреческого сословия способствовал покров таинственности, которым «улыбающиеся авгуры» окружали себя и в который облекали свои богослужения, дабы внушить уважение толпе, уважающей лишь то, что для неё не совсем понятно. Повидимому, лучшие из них полагали, что этот благочестивый обман оправдан тем, что служит воспитательным средством для исправления и большего блага. Известно, как изменились в худшую сторону религиозные представления и нравы римлян, усвоивших чувственный эллинский антропоморфизм.

Иудохристианству удалось сокрушить Язычество на Руси потому, что оно во многом выродилось в бессильное идолопоклонство и оказалось несостоятельным перед лицом смертельной угрозы.

* * *

Изначальное славянорусское Язычество по идее является анимистическим пантеизмом. Основное ядро славянских религиозных понятий сложилось ещё

в праславянскую эпоху, до обособления родственных индоевропейских племён, а древнейшей формой религии всех индоевропейцев было почитание Природы как таковой. И восточные славяне лучше и дольше других хранили эту религию.

Исконная славянорусская религия далека от антропоморфизма, ей не было свойственно олицетворение Природы в виде божеств, наделённых человеческими качествами. Природа – это Имя Живого Божества, имеющего множество различных родственных проявлений. Самостоятельные обличья неисчислимых Природных Духов-Сил (всякий Дух есть Сила), их игрища и превращения суть лишь разные грани отражения единой, лежащей в основе всего Силы. На законе всеобщего превращения – оборотничества – зиждется всё первобытное мировоззрение. Для анимистически-пантеистического мировосприятия характерны представления об особых волшебных силах, присущих явлениям Природы; эти силы позднее и стали называться богами и богинями. Они непредставимы посредством человеческих чувств; поэтому никаких их изображений быть не может, и у наших Пращуров не было. Изначально славяне идолов не имели, а воспринимали так называемых богов напрямую, как они и являются нам в своих природных деяниях [40].

Божество (Сила) есть нечто по существу ноуменальное (сокровенная «вещь в себе»), а потому выразить его Идею в феноменальном мире можно только символически.

Разумеется, сами Боги (Силы) незримы, но для тех, кто не был способен вообразить НЕВИДИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ иначе, как в виде умопостигаемой материальности, вырезались образы – идолы (образ по-гречески – эйдос; отсюда и наши «идолы»). Им придавались такие черты, которыми их наделяли жрецы. Возможно, что подобное человекообразие допускалось в позднем Язычестве как вспомогательное средство для более понятного усвоения простым народом, для которого идолы служили как бы связующим звеном, местом встречи человека с невидимыми богами.

Невежды склонны были окружать идолов суеверным почитанием и даже приписывать им чудотворные способности, подобно тому как это делают иудеи-христиане, поклоняющиеся своим разрисованным доскам.

Для Ведунов же и Ведьм идолы служили лишь молчаливым напоминанием, что существует НЕЧТО, о чём ничего не могут знать смертные.

Волхвы-отшельники и странствующие гусяры всегда оставляли требы Лешему на пне, но никогда не поощряли рукотворную боговщину. Они всегда догадывались или были уверены, что в конечном счёте под всеми так называемыми богами иносказательно скрыто почитание естественных Заповедей Природы. Не боги награждают или наказывают, а сам человек себя награждает либо наказывает, следуя или не следуя этим справедливым Заповедям.

И тут любознательный читатель вправе спросить: «А откуда Вам, уважаемый писатель, известно, в чем суть Учения древнерусских Волхвов?».

Разумеется, писательские предположения – не доказательства. Доказательства, коль скоро они так уж необходимы, ещё предстоит найти. Но поискам предшествуют догадки.

Конечно, нет никаких документальных свидетельств того, что Волхвы мыслили и чувствовали именно так. Но ведь нет и документальных свидетельств об обратном! А потому мнение писателя-язычника имеет такое же право на существование, как и мнения церковных или рационалистических писателей.

Невозможность предоставить прямые (а косвенных имеется предостаточно) и непредвзятые исторические документы, тексты, справки, подтверждающие наше суждение о мироощущении Волхвов, не имеет никакого значения: только сравнительные данные могут пролить свет на решение этой загадки.

Известно, что если нет прямых доказательств, то нужно привлечь и использовать косвенные. Главное из них – сравнительное изучение Языческих религий, где мы и находим сколько угодно подтверждений своим взглядам.

Историки говорят: раз нет письменных свидетельств, значит, «на пустом месте» нельзя основывать какие-либо утверждения. Но, наверное, если истинная ПРАВДА одна (её можно называть Вселенским Информационным Полем, Мировым Разумом или ещё как-либо), то люди, приверженные Правде, должны, пусть и разными путями, приходиться к сходным выводам независимо от того, живут они сегодня, две тысячи лет назад или во времена Бабы-Яги.

Есть надежда на восстановление утраченного Знания через тех, кто генетически (через родовую память) предрасположен К ВЕДОВСКОМУ ПРОЗРЕНИЮ.

Мы видим таких одарённых людей, вживую чувствующих свою кровнородственную связь с Матерью-Землёй, среди наших высокодуховных юношей и девушек. Это не пресловутая православная «духовность», рекламируемая нынче как колготки и прокладки: ЭТО – ЗДОРОВАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ И ГЕРОИЧЕСКАЯ САМООТДАЧА. Эта молодёжь призвана хранить и приумножать те драгоценные крупички Знания, что удалось собрать Доброславу за время поисков длиною в целую жизнь. ДА БУДЕТ ТАК.

В наше больное, растленное время отношение к дохристианскому прошлому приобрело острозлободневный, жизненно важный характер. В условиях надвинувшейся на ПРИРОДУ – РОДИНУ – НАРОД смертельной гибели Язычество как запечатлённые в подсознании традиции и навыки выживания было задействовано Волей Рода и заработало. Явление это того же мистического порядка, что и необъяснимый демографами так называемый «феномен военных лет», когда целенаправленная, защитная Воля Рода проявляет себя в том, что в военные и послевоенные годы в стране, понёсшей большие потери мужчин, вдруг резко увеличивается рождаемость мальчиков.

Обращение к Язычеству в этот самый критический для нашей истории момент, когда вследствие планомерного геноцида, проводимого правящим плутократическим кагалом, решается вопрос о самом существовании Русичей

как Нации, свидетельствует о том, что Наследие Предков хранится на бессознательных уровнях психики как отдельных индивидуумов, так и целого народа.

Пробуждающийся инстинкт национального самосохранения порождает различные культурно-просветительские, военно-спортивные, общественно-политические, национально-социалистические, экологические движения с опорой на Язычество.

Язычество сегодня – это и эхо прошлого, и зов будущего. Это – стержень, становой ХРЕБЕТ РУССКОЙ САМОБЫТНОСТИ, РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ, РУССКОЙ САМООБОРОНЫ, РУССКОГО САМОУТВЕРЖДЕНИЯ: будут кости – мясо нарастёт.

Неоспорима ведущая роль подспудных бессознательных процессов в душевной жизни человека. Такую же главенствующую роль играют они и в исторических судьбах народов. Язычество как Воля к Жизни зиждется на незыблемой иррациональной основе, оно струится в крови, оно стучит в сердце, оно играет в теле, оно поёт в душе; говоря по-научному, оно генетически запрограммировано.

Возрождение Язычества (не только у нас, но и во многих других странах) как единственно действенного противоядия глобальному ожидвлению и умерщвлению биосферы, подпитывается живительными соками из глубочайших пластов нашего существа, а потому неизбывно и неистребимо.

Победа неизбежна по всем природным законам: она уготована нам судьбой, провидением или биологией – называй как хочешь. Попытки воспрепятствовать ей – подобны попыткам противиться Рассвету. Победе Слава!!!

ВОЛЯ НАША КРЕПКА: КТО БЕЛ – ГОРЮЧ – КАМЕНЬ ИЗГЛОЖЕТ, ТОТ НАШУ ВОЛЮ ПРЕВОЗМОЖЕТ.

* * *

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Редкими приятными исключениями служат труды выдающегося белорусского историка и философа Г.М. Филиста: «Введение христианства на Руси: предпосылки, обстоятельства, последствия» (Минск, 1988) и «История «преступлений» Святополка Окаянного» (Минск, 1990), а также исследование О.М. Рапова «Русская церковь в IX – первой трети XII в.» (Москва, 1988).

2. Так называемое космологическое доказательство бытия бога зиждется на том грубо-материалистическом утверждении, будто Мир должен быть кем-то создан. Однако такой догмат о создании Вселенной неким Верховным Существом не может удовлетворить даже дотошного первоклассника, который обязательно спросит: «А Существо это кто создал?».

Мы – пантеисты и не признаём никакого бога-творца (тем более человекообразного Иегову мужского рода), ибо наши воззрения целиком отвергают произвольный акт миротворения из ничего просто по той причине, что Энергия совечна Материи и они не могут существовать друг без друга, являясь двумя аспектами-оборотнями Единой Космической Субстанции. Так учит Древняя Мудрость, и то же самое подтверждают экспериментальные исследования новейшей физики.

В пантеистическом мировидении отсутствует идея личностного бога-творца, свойственная профаническим авраамическим религиям. Само иудеохристианское учение о боге, догмат о троице – это смешение позднего греческого политеизма и ветхозаветного монотеизма, лишённое всякого смысла и разрывающее единство Мира на естественное и «сверхъестественное». Мы не сомневаемся в существовании сверхчеловеческого Вселенского Разума, но отрицаем Его бытие вне Естества, то есть вне Природы.

Конечно же, условное понятие «Мировой Разум» не должно рассматриваться хотя бы даже отчасти схожим с человеческим мышлением. Монотеистам обязательно надо всё очеловечить. Их антропоморфный личностный бог наделён всеми страстями смертного человека, но только в гораздо большей степени: он думает и чувствует, испытывает гнев и т.п. Даже его всемогущество и всеведение – лишь свойства, отражённые человеческим пониманием.

Античным натурфилософам Вселенная представлялась целостным Живым Организмом. В их понимании Космический Разум (или Сущность Мира) нередко прямо отождествлялся с имманентным панкосмическим Божеством, которое мыслилось как некая внутренняя живительная Сила Природы, органически Ей присущая. По словам Цицерона, «Ксенофан, приписав разум Вселенной, которую он, сверх того, считал бесконечной, признал её Богом».

Философское понятие единого Божества, неотделимого от Природы, присутствует в пантеистических учениях раннего джайнизма, буддизма, даосизма. Миссионеры-церковники называли их атеистическими, ибо не смогли усвоить всего величия и глубины такой религиозности, где внеприродному богу просто нет места.

Божеством в высшем, идеальном смысле можно назвать разве лишь бесконечную слаженную полноту РАЗУМНЫХ ТВОРЧЕСКИХ СИЛ, проявляющихся в Природе и образующих в совокупности единое, но многоликое БОЖЕСТВЕННОЕ ЕСТЕСТВО, ИЛИ ЕСТЕСТВЕННОЕ БОЖЕСТВО.

Божество, однако, является не только простой суммой всех слагаемых, то есть всего сущего в Мироздании, и не только самим Мирозданием, но и ещё чем-то неизмеримо более значительным, что ускользает от нашего восприятия и не может быть ни объектом, ни субъектом для познания ограниченным человеческим рассудком. И потому наиболее могучие умы считали безрассудным обсуждать непостижимую и неисповедимую Великую Тайну Природы. К чему человеку мучиться бесплодными размышлениями о том, что он всё равно не поймет? Как совершенно верно отвечал Коперник на обвинения

поповщины в том, что его гелиоцентрическая теория противоречит библии, – устремления «духовенства» должны быть направлены на то, как попасть на небо, а не как оно устроено.

Сущность того, что обычно принято называть Божеством в пантеистическом смысле слова, совершенно невыразима: если мы и решаемся всё же как-то обозначить неизъяснимое, то делаем это лишь вследствие бедности нашего словарного запаса. Но стоит заменить слово БОЖЕСТВО нашим по-матерински родным словом ПРИРОДА, и всё становится более понятным.

3. В последние десятилетия отдельные энтузиасты увлечённо ищут доказательства существования Языческой славянской письменности, упуская из виду, что Культура начинается не с письменности, а с устной Традиции.

Разумеется, умение читать и писать необходимо человеку, однако это умение ни в коем случае нельзя признать высочайшим достижением человеческой культуры. Именно бесписьменные народы творили гениальные эпические произведения, являющиеся недосыгаемыми образцами, и передавали их изустно от поколения к поколению сквозь многие столетия и тысячелетия.

Сохранившиеся древние тексты имеют религиозную направленность: изначально все они были изустными и не предназначались для изложения на пергаменте или папирусе. Их безвестные авторы отнюдь не были озабочены тем, как донести до потомков определённые знания: существовал испытанный способ.

Известно, например, что кельтская культура была практически бесписьменной. Доктрины друидизма не записывались, а заучивались наизусть, хотя ученикам и ученицам приходилось тратить на это до 20 (!) лет. Цезарь в «Записках о галльской войне» упоминает их длинные и глубокомысленные религиозно-философские дискуссии о физическом строении мира, о размерах Вселенной, о небесных телах и их движении. Религиозное значение придавалось и заучиванию преданий, носителями которых были экзальтированные певцы-барды.

Вообще изустный способ передачи основных знаний, традиций и истории племени широко использовался и оправдал себя как исключительно надёжный. Конечно, эти знания могли быть проще всего изложены книжно. И именно их удалось бы проще всего уничтожить.

Изустное Учение имеет ещё и другие достоинства и преимущества. Ведь рукопись не может ни ответить на возникающие вопросы, ни защититься от неверного истолкования, ни отстаивать своё убеждение в споре. Писанная книга делается источником всяческих лжеучений, сект и ересей. К примеру, начётчики кришнаиты по-своему читают Бхагават-Гиту, шииты и сунниты по-разному толкуют Коран.

Море крови было пролито иудохристианами всех мастей, режущих друг друга только из-за различного понимания одних и тех же евангельских слов.

Книжные черви-буквоеды старообрядцы и православные проклинали друг друга, до смерти споря о том, как правильно писать: «Исус» или «Иисус», хотя хрен редьки не слаще.

Примечательно, что источник вероучения духоборов (одно из направлений так называемого духовного христианства, возникшее в XVIII в. в России как протест против церковного и крепостного гнёта) называется «Животной (т.е. живой – Д.) книгой», то есть преданиями, передаваемыми из уст в уста. «Писанное слово – мёртво», – говорили духоборы, ощущавшие, как теряет оно свою сакральную энергетику. А собрания свои, носившие характер религиозных бесед и песнопений, предпочитали проводить на лоне Природы. Что это, как не стихийная, полубессознательная тяга к древней, но вечно юной ЯЗЫЧЕСКОЙ ПРАВДЕ?

Язычники почитали законы Природы, а не книжное «священное писание» (само слово «библия» по-гречески – всего-навсего «книга», и этим всё сказано).

Языческую мудрость невозможно изучать заочно по книгам. Мудрость эту можно найти непосредственно в Природе, но не в библиотеке. Зачем Язычнику букварь? Для натурфилософов-Волхвов живой открытой книгой была сама Мать-Природа: из этой летописи черпали они то, что невозможно выразить неодошевлёнными закорючками-буквами.

Приверженность славян к устной религиозной традиции, попросту не нуждавшейся в письменном отображении, а возможно, и умышленно избегавшей записи, объясняется устойчивостью у них общинно-родового строя и сопутствующих ему пантеистических религиозных представлений.

Долгие века, намеренно чураясь персонифицированных живописно-пластических образов, традиционно возводимых Волхвами к ёмким символам и знакам-оберегам, пантеистическое славянское Язычество, в отличие от средиземноморских культов с их великими богами и хитроумной мифологией, не создавало богатой материальной культуры и даже письменности: оно было религией ЖИВОГО СЛОВА.

Слово воплощалось в «дело» – семейно-родовое и общеплеменное СВЕЩЕННОДЕЙСТВО.

Заветы Пращуров закреплялись в сознании сородичей посредством сказаний-преданий и хранились в виде Священных Обрядов – Игрищ и неизменных обычаев, служивших той же самой цели, какой служат сегодня книги, – цели увековечения и передачи определённых знаний.

И незачем было ничего записывать: не было в том никакой потребности. Ритуальные тексты, обрядовый фольклор помнили наизусть. Сказания, песни, предания и другие нерукотворные памятники устной словесности знали все от мала до велика. Более редкие и сложные исторические предания-кошуну

дословно помнили баяны-кощунники и калики переходящие. Рукописные же книги казались просто ненужными.

Языческое Знание на Руси всегда было изустным. Оно передавалось из уст в уста, от Учителя к ученику, от поколения к поколению, из Рода в Род, а носителями его были умудрённые жизненным опытом Волхвы-Ведуны.

Учение излагалось обычно нравоучительными притчами-загадками, где изустное слово выступало и звуковым образом, и метким символом, и отражением волшебного восприятия действительности. Познание мыслилось как переживание, как задушевное слияние с познаваемым (сознание), как Знахарство в своём исконном понятии.

А ещё Волхвы умели говорить так, что за каждым высказанным словом угадывалось невысказанное, и оттого речения их были столь многозначимы и весомы.

И эта просветительская сторона деятельности Волхвов как Учителей по значению перевешивала все остальные.

4. Родная Природа помогает не только «вспомнить», но и «пережить». Люди, участвовавшие в ночных мистериях Купалы, говорили, что у них появляется ощущение, будто они где-то, когда-то это уже видели, хотя видят впервые. Пробуждается Родовая Память и словно приоткрывается какая-то тайна их прошлой жизни.

5. Вопрос о времени и месте происхождения славян до сих пор не решён однозначно исторической наукой. Среди учёных нет единого мнения о прародине славян, о том, где сложился славянский этнос. Существуют различные и противоречивые предположения относительно того, когда выделяется славянский язык, причём расхождения достигают нескольких тысячелетий: от III тыс. до н.э. до I тыс. н.э.

6. Лесная наука – это умение понимать «всякие языки» живой Природы: имеются в виду «языки» трав, деревьев, птиц, зверей и других лесных соседей, а также умение принимать их облик.

В древнейшем народном эпосе упоминается чародейная наука оборотничества. Былина о Волхе Всеславьевиче, само имя и подвиги которого указывают на его волшебство-волхвование, относится к одной из самых архаических северных былин, сложившихся задолго до образования Киевской Руси. В былине повествуется, что Волх с детства обучался трём премудростям: «обвёртываться» ясным соколом, серым волком, гнедым туром.

7. Исследования показали, как ошибался Макс Мюллер и другие ученые мифологической школы XIX в., считавшие ведическую религию древнейшей формой религии. Ведическая Индия – раннеклассовое (кастовое) патриархально-рабовладельческое государство, и её религия – религия скотоводов, религия ритуальной практики – церемониальных жертвоприношений и за-

клинаний – есть религия поздняя, жреческая. Хотя она и отражает некоторые народные представления, присущие более ранним представлениям эпохи матриархата, в целом, однако, ведическая религия уже далеко ушла от истоков человеческой культуры.

8. Отсутствие у наших Предков персонифицированных богов, ради которых сооружались бы грандиозные храмы и приносились обильные жертвы, а также отсутствие особой касты жрецов, совершавших эти жертвоприношения, нередко приводится как свидетельство более низкого религиозного развития по сравнению, например, с античным Язычеством.

На самом деле всё наоборот: появление антропоморфных изображений богов («болванов») и особых культовых помещений для них можно считать признаком искажения религиозных идей, утраты прежней, стародавней чистоты и следствием вредного чужеземного влияния.

Как известно, дурной пример заразителен. Первоначальная римская религия не знала изображений богов, статуй, идолов. Делать их изображения и строить для них особые храмы римляне стали позже, подражая грекам, уже уклонившимся к тому времени от изначальных религиозных воззрений.

Так же и восточные славяне: лишь на последнем этапе Язычества они под влиянием своих западных и южных соседей начали ставить истуканы. Первые кумиры Перуна были воздвигнуты в Киеве Владимиром вскоре после его возвращения из Скандинавии (куда он бежал в 977 г.), а в Новгороде – Добрыней по киевскому образцу. При Владимире же появляются на Руси и крытые храмы, где он, по словам саги об Олафе Тригвесоне, сам приносил кровавые жертвы.

9. Известно, что Франциск Ассизский пытался нести «благую весть» птицам. Менее известно о том, что случилось давным-давно в одной из раннебуддистских обителей, когда ученики, пришедшие послушать наставления Учителя, ожидали его в тени огромного дерева. Отшельник вышел к ним, но не успел он открыть рот, как в ветвях запела прилетевшая птица. Все хранили молчание, а когда птица перестала петь и улетела, Учитель сказал: «Проповедь окончена». И ученики разошлись в глубокой задумчивости.

10. В Японских храмах нет никаких «идолов». Вообще в Японии зачастую храмом называется поросшая лесом гора, куда паломники поднимаются, чтобы встретить первые лучи восходящего Солнца, которые наделяются волшебными свойствами.

Синтоизм – древняя национальная религия японцев (на которую, впрочем, оказали значительное влияние ещё более архаичные культы загадочных айнов, а также привнесённый в VI в. буддизм) – состоит в почитании природных и семейно-родовых Духов-Покровителей (ками).

В поверженной Германии англо-американские оккупанты преследовали «нацизм». В поверженной с помощью нового страшного «богоугодного» ору-

жия Японии янки-оккупанты таким же образом пытались преследовать синтоизм, видя в этой национальной Языческой религии врага номер один. И тут они были по-своему правы, ибо самурайский дух выковывает таких героев, как Юкио Мисима.

Однако тотальная послевоенная американизация коснулась Японии лишь внешне, не затронув её внутренне, духовно. Японцы сумели сохранить ценности своей национальной культуры. Удивительным образом им удаётся сочетать высочайший уровень технологий с «первобытным» мировоззрением, с чисто Языческими культами камней, водопадов и цветущей сакуры. Компьютеризация и роботизация прекрасно совмещаются и мирно уживаются с традиционными кимоно и любовным обожанием стихий, причём стихии эти и явления Природы и сейчас поэтизируются, наделяются чудодейственными свойствами.

Своему решительному неприятию иудохристианства и убеждённости в его полной обречённости трагически погибший Джон Леннон был, не в последнюю очередь, обязан жене-японке.

11. Изначальной, естественной индоевропейской религиозности вообще было чуждо понятие жречества как возвышающегося над остальными сородичами некоего священного сословия. Особенно это сохранилось у народов Северной Европы, а именно у восточнославянских и германских племён, где не было деления на жречество и мирян.

Ганс Ф.К. Гюнтер пишет: «Идея выделения духовенства в особое сословие всегда была среди индоевропейских народов результатом влияния духа переднеазиатской расы» (Избр. работы по расологии. М., 2005. С. 241).

12. Преобладание общедоступных культов ещё не могло привести к появлению явно обособленного от остального населения жречества. Довольно простые, бесхитростные Языческие Обряды были понятны всем сородичам, и каждый глава семьи, являясь также главой домашнего культа, сам совершал все жизненно необходимые священнодействия, касающиеся его семьи и ближайшего окружения. Обходились, так сказать, своими силами.

Почитание умерших у славянорусов (как и у германцев) также имело форму семейно-родового культа Предков; жрецами этого культа были главы родов и семейств, а жрицами – их жёны, что свидетельствует о проявлении архаичных традиций, восходящих ко временам материнских родовых отношений.

Вообще в период родового строя у восточных славян Старший в роде был в то же время и жрецом, т.е. жречество не было профессиональным. На это определённо указывает историк С.М. Соловьёв (Сочинения. М., 1988. Кн. 1), а также А.С. Фаминцын в «Божествах древних славян» (СПб., 1995).

В обрядах родового назначения в качестве жреца обычно выступал Старейшина рода. Язычество – это родовой строй: общество, основной структурной составляющей которого является Род как единый жизнеспособный Сверхор-

ганизм со всеми присущими ему свойствами: единым родовым разумом, единой родовой памятью, единой родовой волей, единой родовой биоэнергетикой (психоэнергетические родовые поля, или так называемые «эгрегоры»).

Старейшина служил не богам, а своему Роду как Сущности более высокого, надличностного порядка, и этим религиозным служением сама родовая жизнь закономерно обретала значение освещённой Свыше.

13.

Князь от тех ятвягов принёс закон
Отродясь на Руси невиданный,
Чтоб по жребию – из мужей и жён –
Брать людей на закланье идолам...
Было жутко людям! Замстился свет!
Русь стонала от скорбной жалости!
Эта злая «казнь» ровно десять лет
На родной земле продержалася...

Игорь Кобзев (1924-1986). «Падение Перуна»

14. См. труд акад. М.Н. Тихомирова «Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв.» (М., 1955).

В.В. Мавродин в книге «Народные восстания в Древней Руси XI-XIII вв.» (М., 1961) также убедительно доказывает, что борьба за Языческую идеологию, борьба с христианством была «формой восстания смердов» (С. 50).

15. Достоин восхищения тот необъяснимый и в полной мере не осмысленный наукой факт, что древнейшие анимистически-пантеистические воззрения «примитивных» Язычников отлично согласуются с новейшими представлениями о Мироздании, в частности, с космогоническими, астрофизическими, геологическими, биологическими, психофизиологическими и другими теориями, гипотезами и данными. Современная наука волей-неволей возвращается к первобытному гилозоизму и панпсихизму, когда устами наиболее одарённых своих представителей высказывает мнение, что в основе Природы-Вселенной лежит Разум, слагающийся из бесчисленного множества разумов и сознаний разного уровня.

16. «Волхв» – одного корня со словом «волохатый», облачённый в мохнатую шкуру.

17. В истории есть немало примеров того, как предсказание осуществлялось наперекор всем попыткам воспрепятствовать его осуществлению.

Древние прекрасно понимали бессилие таких попыток противоборствовать исполнению прорицания оракула. «От судьбы не уйдёшь, и часто смертный удел настигает в доме человека, бежавшего с поля брани», – эти слова стали поговоркой.

Великий кёнигсбергский мыслитель доказал непреложно, что время (так же, как и пространство), каким оно отражается в нашем сознании, само по себе только субъективная форма нашего восприятия внешнего мира. Нам остаётся совершенно недоступным познание «времени в себе», т.е. независимо от свойственного нам чувственного восприятия.

Время иррационально и ирреально. Вне нашего сознания, т.е. объективно, времени не существует, и в этом смысле оно – одна из величайших иллюзий (об идеальности времени учили ещё Упанишады).

Эта иллюзия существует постольку, поскольку существует воспринимающее её наше обычное, поверхностное сознание. И эта иллюзия исчезает вместе с исчезновением низшего, «дневного» сознания, когда оно уступает место сознанию высшему, когда пробуждается истинное Я человека.

Можно сказать, что будущее отделено от нас лишь порогом нашего сознания, и поэтому познание будущего есть лишь изменение нашего обычного способа восприятия. В экстатически-трансвых состояниях, благодаря понижению порога сознания, человеку иногда делается доступным то, что не воспринималось им в его обычном состоянии. И мистики всех времён интуитивно стремились перешагнуть этот порог, максимально заглушить, усыпить бодрствующее поверхностное сознание, являющееся лишь помехой для проникновения души в запредельную Реальность.

Когда внутренний взор ясновидца в пророческом трансе достигает того плана, откуда можно было бы единым взглядом обозреть Время издали, во всём его неподвижном постоянстве; объять одновременно настоящее, прошедшее и будущее, лежащие на одной плоскости, тогда отсутствующие, т.е. ещё не проявившиеся на феноменальном плане и оттого не зримые чувственному оку события предстают пред ним существующими потенциально на том высшем плане.

И изменить что-либо в этих будущих роковых событиях так же невозможно, как и в прошедших. Здесь кроется объяснение всех неудачных попыток избежать ведовских предсказаний. Более того, как бы в насмешку над всеми человеческими расчётами, исполнению предназначенного всегда содействует именно то, посредством чего пытаются предотвратить неизбежное. Классический пример тому – трагедия царя Эдипа. Таков же миф о Телефе, таков же рассказ Геродота о гибели сына Креза.

Тит Ливий в «Римской истории» пишет, что царь Эпира Александр обратился к Додонскому оракулу с просьбой предсказать ему исход предстоящего военного похода. Ответ гласил, что Александр должен опасаться реки Ахеронт,

где ему уготована смерть. Веря прорицанию и страшась его, Александр с войском двинулся в Италию, подальше от Эпира, где протекал Ахеронт.

Но, говоря словами Байрона, «бороться против нашей судьбы было бы такой же борьбой, как если бы сноп вздумал сопротивляться серпу». И Александр встретил свою смерть в разлившихся водах протекавшей в Италии реки с тем же фатально-зловещим названием Ахеронт.

18. Археологи полагают, что на некоторых наскальных рисунках верхнего палеолита изображён бубен – важнейшая неотъемлемая принадлежность шамана. Известно также живописное изображение исполняющего ритуальную пляску (камлающего) звероликого шамана-оборотня в гроте Трёх Братьев (Франция). Некоторые учёные толкуют знаменитое изображение в пещере Ласко как изображение человека, пребывающего в шаманском обмороке.

19.

Есть бытие; но именовем каким его назвать?

Ни сон оно, ни бденье; – меж них оно,

И в человеке им с безумием граничит разуменье...

Евгений Баратынский

20. Из истории известно, что различные способы искусственно вызывать самогипноз (аутосомнамбулизм) с целью раскрытия внутреннего взора применялись уже в самые отдалённые времена. «Пифониссы древних сами себя магнетизировали – прочтите Плутарха и его описание оракульных токов», – указывает Е.П. Блаватская в одном из своих писем.

Иудохристианские анахореты-иссихиасты, возалкавшие узреть ангелов, устремляли неподвижный взор на собственную грудь и, насколько могли, задерживали дыхание. Пребывая в такой окаменелой позе долгое время и творя непрестанно безмолвную «умную» молитву, они впадали в самогипноз.

В религиозных культах всех времён и народов существовали различные собственные приёмы, способствующие вхождению человека в сомнамбулический транс. Эти приёмы поражают своим богатейшим многообразием: яростные синкопы индейских тамтамов и монотонный гул лапландского «барабана тролля», вихревые пляски жриц Диониса и самоуглублённая медитация йогов, изнурительные посты «юродствующих во христе» и пристальное, до умопомрачения, смотрение в этрусские зеркала...

Все магические ритуалы и причудливые церемонии, все аскетические истязания и «умерщвления плоти» были направлены на достижение трансa, причём транс был не самоцелью, а средством, высвобождающим чудесные силы и способности, скрытые внутри человеческого существа.

К древнейшим искусственным методам относится также употребление таких сильных психоделиков, как ядовитые (для человека) соки некоторых «ша-

манских» растений и грибов, хмелящие зелья, дурманящие мази и воскурения и т.д.

Вещий же – Снорро: являлся к нему сам Один.

Травы он знает. Нажжёт их – что сноп упадёт,

Духом же к самой Вальхалле восходит тогда...

(Песнь о Солнце по сказаниям Эдды. Пер. А.Н. Майкова)

У индусов почитался загадочный священный напиток сома, у тольтеков и майя – сок кактуса пейотль, у тибетцев – настой из мухоморов. Средневековые маги-каббалисты предпочитали белладонну, мандрагору, сон-траву, в которых содержатся органические вещества, вызывающие видения.

Марко Поло пишет о «китайских идолах», обладающих способностью разыскивать утерянные и украденные вещи. При идолах в посвящённом им храме постоянно находится старуха-жрица, являющаяся, по мнению Поло, посредницей между людьми и духами. Прежде чем спросить идолов об утерянной вещи, совершается пред ними курение, после чего духи дают жрице ответ, который она и передаёт человеку, потерявшему вещь. Далее знаменитый путешественник свидетельствует: «И я, Марко, отыскал этим способом утерянное мною кольцо» (Путешествие Марко Поло, изд. Русского географ. об-ва, 1902 г.). В действительности же дело, по-видимому, обстояло так, что жрица начинала вещать, погружаясь в медиумический транс под влиянием одурманивающих наркотических курений. Известно, что принятие некоторых наркотиков способствует обострению сверхчувственного восприятия.

Приём современного супернаркотика ЛСД иногда сопровождается переживаниями и видениями религиозно-мистического содержания. Хотя с помощью таких искусственных психоактивных средств и удаётся порой вызывать блаженные состояния «священного безумия», сходные с религиозно-экстатическими, всё же столь дерзновенные попытки насильственно вломиться в «Мир Духов» никогда не одобрялись истинными Мистиками, рассматривающими их как своеобразную упадочническую ересь, как костыли для немощных.

«Полёты» психонавтов под влиянием галлюциногенов, искусственное стимулирование аномальных способностей в практике хатха-йогов и употребление опиума тождественны по существу и различаются лишь внешними приёмами да степенью утончённости.

Великие Учителя всегда осуждали любую психотехнику и механические усилия пробудить спящий в человеке орган общения со сверхчувственным миром. Они утверждали, что использующие эти приёмы просыпаются лишь в низших подпланах астрала.

Особыми методами длительной оккультной тренировки можно заставить организм вызвать к жизни паранормальные психические силы, однако очень

сомнительна ценность подобных методов для развития Духовности в человеке.

Духовные Истины требуют и духовного их познания. В религиозной жизни древнейших мистических братств приобретение сверхнормальных сил и способностей никогда не было самодовлеющей целью, а всегда понималось как побочное следствие нравственного совершенствования. Высшее Начало влечёт за собою низшее. «Чудесные силы – лишь придорожные цветы вдоль Пути», – гласит древнее изречение.

Выдающиеся Гуру и сам Патанджали вообще не придавали этим психическим силам особой духовной ценности. А Сакья-Муни запрещал своим последователям прилюдно обнаруживать приобретенные силы, называя это пустым тщеславием. Он учил, что пробуждение души и перевод сознания на высшую ступень возможны лишь на пути утверждения в праведности и сострадания ко всему живому, к каждому бессловесному существу. Ибо нет добродетели, равной состраданию. И одним лишь неистовством сострадания может достичь смертный того мистического соития, той ДИВНОЙ НЕСКАЗАННОЙ ОТРАДЫ, КОТОРАЯ ЗОВЁТСЯ ЛЮБОВЬЮ и пред которой психоделическое «просветление» не более как мерцание свечи в сравнении с озарением Радугой.

21. Известна (а вернее сказать, до конца не известна) изумительная сила воздействия самовнушения на физические законы, управляющие организмом.

В клиниках успешно проводились опыты с внушённой невосприимчивостью к действию токсических веществ. Доза, обычно необходимо вызывающая отравление, при гипнотическом внушении его не вызывала. А поскольку всякое внушение есть, в конечном итоге, самовнушение, то уже не кажется неправдоподобной практика некоторых средневековых мусульманских фанатиков, употреблявших страшные яды вроде мышьяка без всякого вреда для себя.

У многих племён и народностей существуют судебные испытания ядом с целью открыть виновного. Обвиняемый принимает сильный яд, который по естественному порядку вещей должен быть губительным для него. Однако вследствие безусловной эмоционально-волевой установки испытуемого на собственную невиновность яд оказывается для него безвредным. Сюда же относятся тотемические ордалии, когда подозреваемый, чтобы доказать свою невиновность, безнаказанно подвергает себя укусам смертельно ядовитых змей, пауков и скорпионов.

В американских штатах Вирджиния и Джорджия имеет распространение особый культ. Целительная сила чистосердечной безоглядной веры позволяет приверженцам этого культа в состоянии крайней экзальтации пить смертоносные яды и безбоязненно подвергать себя укусам гремучих змей. Самовнушение формирует здесь особый психический настрой, заставляющий организм в момент наивысшего нервного напряжения мобилизовать свои скрытые, по сути дела неисчерпаемые резервы.

На известной картине И.Я. Билибина изображён момент древнерусского Языческого правосудия: закатав рукав, один из подозреваемых готовится оправдываться испытанием раскалённым железом. Если он невиновен, то мощная, нерассуждающая психологическая установка на собственную правоту послужит ему оберегом и позволит остаться невредимым.

Подобные испытания (кипящим маслом, огнём, расплавленные оловом и т.п.) были широко распространены с давних пор у самых разных народов, и невозможно предположить, что люди в течение тысячелетий пользовались бы такими методами, если бы они не достигали своей справедливой цели.

Невероятно, но факт: живая ткань становится огнеупорной и не поддаётся разрушению. Наблюдается противодействие известным законам Природы при помощи каких-то иных, но более высших и властных Её законов.

Учёные академики чешут затылки, но никто ныне не оспаривает колоссальную силу самовнушения. Однако никому не удалось дать сколько-нибудь удовлетворительное научное определение самовнушению, не говоря уже о выяснении сущности этого феномена.

Какие внутренние интимные психофизиологические процессы лежат в основе внушения и самовнушения? На сей счёт в науке существует множество зыбких мнений и предположений, подчас самых противоречивых, что свидетельствует о полной беспомощности современных физиологов дать какой бы то ни было ответ на вопрос о природе гипнотизма и внушения. Все существующие «объяснения» внушения не объясняют, а лишь картинно описывают его.

Бехтерев писал в «Лечебном значении гипноза» (СПб., 1900): «Внушение есть не что иное, как вторжение в сознание или прививание к нему посторонней идеи». Но как она прививается и как становится своей?

Одной из основных проблем гипнологии является выяснение сущности гипнотического торможения, этого «проклятого вопроса», по выражению учёного живодёра Павлова.

Бывает, что одно только слово гипнотизёра вызывает глубокие изменения в деятельности внутренних органов, бывают и безболезненные операции без наркоза. Но благодаря каким механизмам осуществляется словесное воздействие в гипнозе? Остаётся совершенно непроницаемой сущность процессов, служащих посредниками между нематериальным представлением (самовнушением) и обусловленными им поразительными изменениями в организме. Какова природа взаимодействия между психическим и физическим началами в целостном человеческом существе?

Стигматы религиозных экстатиков убедительно доказывают силу влияния воображения на тело. Всякий знает, что он может шевельнуть пальцем, когда захочет, никого это не удивляет, потому что с этим фактом мы освоились. Никому не приходит в голову, что это явление сложнее и вполне анало-

гичной природы с появлением стигматов. Вся разница в том, что одно из этих явлений обыденно, а другое – исключительно.

Но как воображение (психика) связано с материей и посредством чего оно воздействует на неё? Что здесь является промежуточной стихией, связующим звеном? Нельзя ведь стоять одной ногой на Земле, а другой – на Небе.

На какую неуловимую субстанцию в организме действует непосредственно воля, и какая субстанция передаёт волевой приказ нервной системе?

Наиболее глубокие, прозорливые мыслители и учёные (среди них – наши Н.И. Пирогов, А.М. Бутлеров и др.) догадывались и признавали существование такой эфирной, флюидической субстанции, имеющей несравнимо более тонкую, метапсихическую организацию, чем та, которая могла бы быть воспринимаемой нашими органами чувств. Эта «духовная плоть», некий внутренний психоплазменный организм-двойник, сотканный из биоэнергетических нитей, и является своеобразным мостом, переброшенным через пропасть, отделяющую сознание от физического тела.

22. Впрочем, «дикари», будучи людьми здравомыслящими, вовсе не считали шаманом всякого припадочного соплеменника, бьющегося в истерике и завывающего нечеловеческим голосом.

23. Сомнамбулическим, трансовым или высшим сном называется углублённый гипнотический сон. Именно сомнамбулическая фаза гипнотического сна бывает наиболее богата исключительными проявлениями ясновидения, прорицания, гипермнезии, телекинеза и другими, нередко с виду сверхъестественными. Самопроизвольный, естественный сомнамбулизм обычно называется лунатизмом.

Сейчас в науке используется вместо обозначения «душа» понятие «личность», хотя странно видеть, что психологией и психиатрией, т.е. науками о душе человека, занимаются люди, отрицающие существование самой души. Слова «сомнамбула», «сенситив» и «медиум» заменены определением «способный перципиент», представление о «магнетической силе субъекта» – понятием об «индуктивной способности внушающего», а вся необъятная область парапсихологических изысканий получила определённое признание и термин ЭСВ (экстрасенсорное, т.е. сверхчувственное восприятие).

Главное препятствие для исследователей ЭСВ заключается в том, что далеко не все феномены могут быть воспроизведены по желанию в лабораторных условиях. Другой трудностью является то обстоятельство, что сверхчувственное восприятие – вещь чрезвычайно своенравная, изменчивая и непостоянная, зависящая от многих малопонятных причин. Испытуемые подчас теряют неожиданно свой дар на неопределённое время.

Замечено также, что всё большая технизация опытов отрицательно сказывается на результатах исследования. Большинство современных парапсихоло-

гов в поисках прямых доказательств существования ЭСВ используют количественные экспериментальные методы. Это не тот путь.

В основу исследования должно быть положено изучение заслуживающих доверия спонтанных (т.е. самопроизвольных) явлений, феноменов, демонстрируемых медиумами, а также экстатических, гипнотических, лунатических и других паранормальных, самозабвенно-трансовых состояний человеческой психики.

24. Неоценимый вклад в изучение сомнамбулизма и связанных с ним загадочных явлений внёс гениальный германский

учёный и философ Карл Дю-Прель (1839-1900) в своих трудах «Философия Мистики», «Магия как естествознание», «Спиритизм», «Монистическое учение о душе», «Загадочность человеческого существа» и других (есть дореволюционные русские переводы).

Главнейшее положение Мистики утверждает: наше существо не исчерпывается нашим самосознанием. Основной тезис Дю-Преля гласит то же самое: мы не сознаём всего Мира и всего нашего существа; Мир и наше существо неизмеримо больше, чем то, что говорят нам о них наше сознание и наше самосознание. Изучение сомнамбулизма показало, что существует обширная, неосознаваемая нами, внеэмпирическая часть нашего психического организма. Потерпели неудачу все попытки свести человеческое Я к молекулярной структуре, заключённой в мозге.

Наше нынешнее чувственное сознание, исчезающее с наступлением смерти, есть только одна из возможных форм нашей способности сознания, наиболее ограниченная и поверхностная из всех, хотя она и признаётся огромным большинством людей за единственную.

В явлениях сомнамбулизма наблюдается новое, отличное от обычного и притом во многих отношениях высшее, сверхчувственное сознание. Это сверхсознание, не имеющее, по всей видимости, непосредственной связи с обычным, указывает на существование какого-то неизвестного нам носителя душевной жизни, которого Дю-Прель, из-за недостатка надлежащих слов для более верного обозначения, называет «трансцендентальным субъектом» (наш язык чрезвычайно беден и бессилён передать многие понятия, корни которых лежат вне физического мира).

Это высшее одухотворяющее нас начало, этот «субъект» действует постоянно, но бессознательно для человека и проявляется лишь в моменты понижения обычной чувственности, т.е. при понижении порога бодрственного сознания.

«Трансцендентальное наше сознание отделено от земного нашего сознания головным мозгом нашим – порогом нашего сознания», – пишет Дю-Прель. Именно при помрачении или погашении головного сознания, с закатом внешних чувств пробуждается иногда внутреннее сверхчувственное восприятие и

обнаруживаются новые, поразительные способности человека. Препятствием к расцвету этих новых способностей служат телесные оковы и обыденное «дневное» сознание, связанное с пребыванием в плотном теле. Смерть не только не уничтожает «трансцендентального субъекта» (т.е. наше высшее сознание), но, напротив, даёт ему возможность дальнейшего развития. В человеческом существе скрыты загадки, разгадки которых лежат за пределами грубо-материального его бытия.

Сомнамбулический экстаз – дверь, ведущая в совершенно иные и тем не менее пространственно совпадающие Миры, невоспринимаемые нашими пятью органами чувств. Потусторонний Мир есть всего-навсего Мир, лежащий по ту сторону нашего обычного сознания. Прекрасно сказал Дю-Прель: «В сомнамбулизме душа снимает с себя тело временно, со смертью – навсегда».

25. Мистическое прозрение есть состояние, которое невозможно объяснить понятиями обыденного житейского опыта. Реальность такого прозрения может быть познана только таким же Мистиком. Для сравнения: чтобы понять необычайное состояние влюблённого (а настоящая Любовь, по сути, тоже Мистика), нужно быть когда-нибудь самому «по уши» влюблённым. Никакие рассуждения не могут дать слепому представление о цвете.

26.

Пять чувств – дорога лжи. Но есть восторг экстаза,
Когда нам истина сама собой видна,
Тогда таинственно для дремлющего глаза
Горит узорами ночная глубина.

(Константин Бальмонт)

Религиозный экстаз таит в себе огромную силу. Вспомним те Великие Живые Истины, что внезапно постигались сердцами людей в подобные мгновения. Такое озарение приходит неожиданно и так же неожиданно покидает человека. Оно, как и вдохновение, неуследимо и неподвластно нашей воле. Может ли поэт повелевать Музе?

27. Да, методы для объективной регистрации таких полей отсутствуют, подобно тому как отсутствуют методы для объективной регистрации гравитационных полей, хотя никто из-за этого в существовании гравитации не усомнился.

Упрямые факты сомнамбулизма и парапсихологии вполне могут служить косвенными свидетельствами в пользу существования биополей. В качестве таких же косвенных доказательств могут рассматриваться и все зафиксированные, но не объяснённые факты дистантных взаимодействий между биологическими объектами, возможность которых также предсказывается теорией биологического поля.

Формально скептики правы, но в данном случае уместно вспомнить слова Цицерона о том, что лучше заблуждаться вместе с Платоном, чем быть правым вместе с пифагорейцами (мы приводим это изречение лишь «ради красивого словца», отнюдь не становясь на сторону Цицерона в его оценке религиозно-философских школ Пифагора и Платона).

28. По-видимому, на этом основана психометрия – частная форма сомнамбулического ясновидения, удивительная способность некоторых лиц при посредстве какого-либо предмета, являющегося соединительным звеном-проводником, вызывать перед своим внутренним взором людей и события, связанные с судьбой этого предмета.

Способность эта сопряжена с тем, что каждый предмет или объект хранит в себе как бы запись всей своей предшествующей истории, и особо одарённые сенситивы могут «считывать» эту информацию.

Вообще все события, происходящие в мире, а также человеческие мысли и движения души каким-то непостижимым образом оставляют свой вибрирующий отпечаток на окружающей обстановке (некоторые видные физики полагают, что такое возможно на субатомическом уровне, где Материя и Энергия взаимопревращаемы). Образуется как бы ряд картин, рисующих прошлое и доступных восприятию некоторых сильных медиумических натур.

Ведьма сама ничего не знает о том предмете, лице или событии, о котором её вопрошают. Но, взяв в руки этот предмет и особым образом настроившись (частичный или полный самогипноз), она улавливает следы вибраций, воспроизводящих «преданья старины глубокой», причём эти ведовские прозрения подчас подтверждаются археологическими свидетельствами.

Удивительный психометрический опыт с ритуальной каменной статуэткой (предположительно из Атлантиды) описал знаменитый английский географ и этнограф П.Г. Фосетт в книге «Неоконченное путешествие» (М., 1975. С. 24).

29. Помимо нашего явного мира, в гиперпространстве существуют иные, тонко-материальные миры с пребывающими в них иными видами жизни и разума, иными Сущностями и Существами. И они не менее таинственны для шамана, чем для нас с вами.

Миры эти, сосуществующие с нашим, взаимопроникающие и в то же время слитые воедино.

Можно, пожалуй, сказать, что Иной Мир – это Природа, как Она есть в своей Самосущности; «Природа в Себе», а не та видимость, что отражается в кри-вых зеркалах наших чувств.

В неподдельном ведовском наитии Она воспринимается как СВЕРХРАЗУМНОЕ БЫТИЕ, выходящее за пределы человеческого воображения, но неизменно исполненное Жизни, Любви, Красоты.

30. Камены – древнеиталийские нимфы-богини пения, обитавшие в источниках и родниках. Имя их по-латыни обозначает поющих – предсказывающих.

По Геродоту (История, 1, 47), пророчица в Пифоне (Дельфах) вещала вопрошавшим в шестистопных стихах. Вообще, почти все Дельфийские оракулы имеют гекзаметрическую форму (гекзаметр – стих из шести стоп дактиля).

Сивиллины изречения были записаны греческими гекзаметрами.

Апулей в «Апологии» передаёт рассказ Варрона, что траллийцы во время войны с Митридатом обратились к прорицателям, и ребёнок, погружённый в транс, в ста шестидесяти стихах предсказал исход войны.

Тацит (Анналы, кн. II, 54) сообщает: «Жрец осведомляется у желающих обратиться к оракулу только об их числе и именах; затем, спустившись в пещеру и испив воды из таинственного источника, чаще всего не зная ни грамоты, ни искусства стихосложения, жрец излагает складными стихами ответы на те вопросы, которые каждый мысленно задал Божеству».

Знаменитый критский философ и поэт Эпименид (VII-VI вв. до н.э.), обладавший, по преданию, даром прорицания, творил гекзаметрические поэмы.

Античные натурфилософы для изложения своих мыслей пользовались поэтической формой и эпическим гекзаметром. Именно так в поэме «О Природе» излагал своё учение странствующий рапсод Ксенофан (VI в. до н.э.), затем его ученик Парменид (поэма «О Природе») и другие поэты-представители одной из важнейших философских школ – элейской.

Слывший ведунум и чародеем мыслитель Эмпедокл (V в. до н.э.), следуя традиционному пути песнопений, излагал свои философские поэмы «О Природе» и «Очищения» гекзаметром.

Все античные писатели замечают, что, когда пророчица вещает в состоянии вдохновения, её лицо необычайно преображается, её речь делается ритмической и голос её крепнет; в нём чувствуется такая внутренняя сила, когда она произносит свои предсказания величественным и торжественным напевом.

Древняя поэзия представляла естественное выражение всякого сильного, цельного душевного движения, порыва или чувства, прежде всего – религиозного. Волевая и эмоциональная энергия создателя стиха бессознательно для него самого воплощалась в ритмическую речь и даже переходила в мелодичное пение.

Древнеиндийское предание гласит, что подвижник Вальмики однажды залюбовался парочкой куликов, предающихся друг другу на ветви дерева. Внезапно самец с пронзительным криком падает наземь, сражённый стрелой подкравшегося охотника, а овдовевшая его подруга заливается горестным

плачем. Вальмики потрясён до глубины души. Его сердце переполняется гневом и жалостью. Охваченный состраданием, он прокликает охотника, и слова проклятия неожиданно для него самого оказываются мерными строками стихов, а вся речь выливается в поэтическую импровизацию – поэму. Немного спустя Вальмики сознаёт, что гибель птички исторгла из его сердца неведомый прежде размер песнопения – шлоку. Этим размером он затем слагает прекрасную эпическую поэму – песнопение о Раме – «Рамаяну».

На родство интонаций взволнованной словесной речи и музыкальной мелодии обращали внимание многие языковеды и музыковеды. Подмечено, что чем эмоциональнее, возвышеннее звучит речь, тем более обретает она дифирамбический ритм (как у сомнамбул) и приближается к пению.

В сагах неоднократно упоминается о скальдической импровизации, когда человек, подвергающийся смертельной опасности, вдруг начинает говорить мерными стихами.

Знаменитые пророчицы-монтанистки Присцилла и Максимилла облакали свои прорицания в ритмические мелодичные напевы.

Во время обрядов различных религиозно-экстатических общин и братств («хлысты» и т.п.) обычная речь возвышалась до ритмической напевной декламации, и пророчества произносились речитативами.

В связи с этим обращают на себя внимание наблюдения нашего крупнейшего психиатра, проф. С.С. Корсакова, который в «Курсе психиатрии» (М., 1901. С. 288) пишет, что у истеричных, склонных к сомнамбулизму больных, обычно косноязычных и недалёких, в возбуждённом состоянии «речь изменяется в своём темпе, делается быстра, словообильна, плавна, больной сыплет рифмами, созвучиями, поговорками и говорит стихами».

В диалоге «Ион» Платон устами Сократа поучает рапсода Иона: «Как корибанты пляшут в исступлении, так и они (поэты) в исступлении творят эти свои прекрасные песнопения; ими овладевают гармония и ритм, и они становятся вакханками и одержимыми... И он (поэт) может творить лишь тогда, когда сделается вдохновенным и исступлённым и не будет в нём более рассудка: а пока владеет рассудком, никакой человек не способен творить и прорицать» (Ион, 534 А-В).

«И Демокрит говорит, что без безумия не может быть ни один великий поэт», – замечает Цицерон. Любопытно сравнить со словами французского писателя Ж. Кокто – одного из основателей и столпов сюрреализма: «Ничто не может быть менее нормальным для поэта, чем сходство с нормальным человеком».

То же самое можно сказать и о Волхвах, ибо Волхв – тот же Поэт, ДО БЕЗУМИЯ ВЛЮБЛЁННЫЙ В ПРИРОДУ.

* * *

Самым мощным средством воздействия поэзии является ритм. Стихотворный размер – основополагающее свойство поэзии, отличающее её от прозы и роднящее с музыкой. Восприятие стихотворной поэзии обусловлено воздействием ритма. Ритм – это стержневая, стихийная сила стиха. В наиболее архаических формах устной народной поэзии главную роль играет собственно ритм, и очень малую – слово. На это указывают исследователи, в частности А.Н. Веселовский (Историческая поэтика, М., 1941), Д.Н. Овсянников-Куликовский и др.

Сила воздействия поэзии увеличивается в зависимости от количества стоп в стихе.

«Ритм имеет силу волшебную», – утверждал Гёте, а Шеллинг справедливо считал, что «ритм принадлежит к удивительным тайнам Природы и искусства» (Философия искусства, М., 1966. С. 196).

Действительно, в чём обаяние произведения искусства? Почему у нас «захватывает дух» от созерцания совершенной скульптуры или от звуков музыкальной сонаты? В чём их власть над нашими чувствами? Что за тайна лежит в основе гармонии, которую Пифагор считал проявлением Божественных Сил?

Тайна эта тем и прекрасна, что она – Тайна. Объяснить её невозможно: о ней можно догадываться только так, как мы пытаемся догадаться о сущности магнетизма или гравитации.

Восприятие ритма не есть процесс умственный, интеллектуальный, рациональный; не есть процесс «понимания» и «осознания». Здесь восприятие иррациональное; гармонические стихотворные узоры действуют не на рассудок, а непосредственно на глубины нашего психофизиологического существа, на нашу душу, вызывая порой упоительные ощущения высокого потрясения, очищения, катарсиса.

Почему же таким особенным, восхищающим, нередко чарующим образом действует на нас размер гекзаметра?

* * *

Вся видимая и невидимая Природа пребывает в вечном Движении – Коло-вращении, важнейшей особенностью которого является устойчиво выраженная ритмичность, цикличность. В основе Мироздания лежит ритм, вибрация. Это утверждали древние, и это подтверждается новой наукой – киматикой, видящей в синхронизированных ритмах причину поразительной слаженности Вселенной.

Всем явлениям Природы присуще ритмическое биение Жизненной Силы. Ритм – это естественное, органическое свойство Жизни, основа Жизни в лю-

бом её проявлении. Ритмы пронизывают всё: жизнь атома, жизнь клетки, пульсации жизни Земли, «дыхание» Солнца, жизнедеятельность всего Космоса.

Можно сказать, что Вселенная – грандиозный Организм, насквозь пронизанный равномерными волнообразными колебаниями – биоритмами. Их многослойные, идеально сплетённые циклы и плавные переходы образуют одну бесконечную гармонию, величественную симфонию, «музыку сфер».

Ритмы Вселенной невероятно, безмерно сложны, и человеческому разуму недоступно познать закономерности Космоса; понять, как объединяются многочисленные накладывающиеся и пересекающиеся силы, воздействуя друг на друга в структуре Мироздания, но в то же время всё их неисчислимое разнообразие подчиняется могучим, всеобъемлющим и, в конечном итоге, прямолинейным в своей целеустремленности законам Природы.

Существуют какие-то общие, единые гармонически-структурные основы бытия – от пульсаций атомов и клеток до законов стихотворчества. Общий ритмический порядок свойствен и солнечному спектру, и музыкальной гамме. Посмотрите брачные танцы журавлей – в эту балетную сюиту заложен бессознательный ритм. Биоритмы присущи как Природе в целом, так и человеческой психофизиологии.

Конечно, наивно предполагать, что древние греки знали законы биоритмологии. Просто человек как микрокосм (мир в малом) совершенно бессознательно (иначе и быть не может) руководствовался теми же правилами, что и сама Природа. Интуитивно подражая Матери, он осваивал Её правила и пользовался ими. Натурфилософы творили в меру своей одарённости, ума и знаний, опираясь в своих исканиях на принципы творчества самой Природы, и нередко приходили к поразительно глубоким выводам, улавливающим суть мировых явлений, что ныне подкрепляется данными самых разных точных, естественных и гуманитарных наук. Современное научное знание всё определённое раскрывает древнюю догадку о неразрывном единстве человека и Космоса. Уместно привести строки из стихотворения известного русского революционера, учёного и поэта Н.А. Морозова:

Родствен семье минералов
Мир бестелесных идей,
Грёзы, как грани кристаллов,
Вкраплены в души людей.

Сознательное или неосознанное стремление человека жить в согласии с биосферными ритмами приводит к гармонии с закономерностями, действующими в Мироздании.

Природа подобна в своих проявлениях. Ритмические формы движения материи подобны форме движения человеческой мысли. Вспомним гениального поэта-пантеиста Ф.И. Тютчева:

Дума за думой, волна за волной –
Два проявленья стихии одной...

Тютчев провидяще обнаруживает удивительное родство между явлениями, внешне, казалось бы, никак не связанными. Существуют общие ритмические законы, которым подчиняются и океанские волны, и стихотворные строки.

За ритмами музыки и поэзии стоят властные ритмы Природы, ритмы Её ярых, величественных стихий. Её биоритмы – это как бы материализовавшиеся стихи, слагаемые самой Природой; стихи же – это как бы своеобразные словесные биоритмы, высказываемые поэтом.

Сила воздействия плавных, звучных, размеренно правильно, как морские валы, следующих друг за другом могучих строк «Илиады» объясняется тем, что их ритм – гекзаметр – есть не что иное, как ритм морского прибоя.

Это подметил и К. Паустовский, описавший свои наблюдения в рассказе «Умолкнувший звук». Читая стихи на берегу моря, писатель обратил внимание на то, что размер древнегреческого гекзаметра хорошо согласуется с ритмом набегающих и откатывающихся волн. «И вдруг мне стало ясно, что слепой Гомер, сидя у моря, слагал стихи, подчиняя их размеренному шуму прибоя...».

31. Согласно легенде, Мерлин перенёс исполинские камни Стоунхенджа из Ирландии за одну ночь с помощью только своего «Волшебного Слова». Народное предание не может быть заведомо ложным: пусть с определённым пристрастием, преувеличением, обобщением, с уклоном в какие-либо частности, но оно так или иначе отражает какое-то действительно событие. Так что в известном смысле легенда предстает в ином свете.

Надо сказать, что загадка доставки и воздвижения многими древними народами гигантских мегалитов, неподвластных даже современным подъёмным кранам, до сих пор остаётся неразгаданной. Хотя эти непревзойдённые, фантастические достижения у всех на слуху, никто особо и ухом не ведёт. Сам Мерлин, равно как Атлантида, Гиперборея и Туле объявлены выдумками, зато мифический «ноев ковчег» с завидным упорством продолжают искать на горе Арарат.

32. У индусов заклинания называются мантрами: мантры – это священные тексты, которые произносятся на санскрите. Санскрит, или «мистическая речь», в древности именовался «языком Дэвов».

Мантра буквально означает фразу или формулу, обладающую, согласно эзотерическому учению древнеиндийских мудрецов, огромной силой воздействия посредством СПРАВЕДЛИВОГО её значения.

33. Высокая Поэзия – не что иное, как Мистика.

В «Одиссее» (XXII, 347) певец говорит о себе: «Я самоучка, но Божество внушило мне разные законы песен». Здесь указание на то, что певец-импровизатор сам не отдавал себе отчёта в своём стихийном творчестве; он получал его как нечто готовое, как чудесный дар, вложенный в его душу Богиней: «Муза возлюбила певца» (Одиссея, VIII, 63).

Такой была Поэзия в старые, добрые времена, когда Поэты-Титаны, обуреваемые мощными, циклопическими, не скованными рассудочностью чувствами, создавали свои неповторимые шедевры.

Такая Поэзия была «свойственна полным юношеских сил детям Природы», – писал выдающийся германский философ-просветитель Иоганн Готфрид Гердер в трактате «Исследования о происхождении языка» (1772 г. Рус. перевод 1906 г.). Но этот природный дар стал постепенно слабеть, увядать; наконец «явилось искусство, а натура заглохла».

Гердер подчёркивал противоположность между исконной, естественной, нерукотворной Поэзией и поэзией современной, книжной, искусственной, выродившейся. Не у классиков должны учиться нынешние поэты, считал Гердер, а обратиться к первоизданной, вольной, подлинно народной Поэзии, внять голосу наивных гениев.

И впрямь, вся так называемая классика – это уже далеко не то, чем была Поэзия на заре истории, в пору юности и возмужалости человечества, когда ещё не была потеряна связь с Тонкими Мирами.

Поэзия как Ведовство даже маститым классикам больше не по плечу. Мы уже не говорим о предсмертной зловонной немощи современной цивилизации бандарлогов, приписавшей поэзию к литературе (от латинского «литера» – буква) и называющей поэзией всё рифмованное и напечатанное в столбик.

34. «Отличительная черта христианской эпохи, её высшее достижение – высшая власть слова, «Логоса», который является центральной фигурой христианской веры – стала врождённым пороком нашего века. Это поклонение слову имеет очень опасную тёмную сторону... Вера в слово становится доверчивостью, а само слово – дьявольским лозунгом, способным на любой обман. За доверчивостью по пятам следуют пропаганда и реклама, призванные сделать гражданина жертвой религиозных и политических махинаций. В настоящее время Ложь приобрела доселе невиданный в истории человечества размах», – писал в прошлом веке всемирно известный психолог, философ и культуролог Карл Юнг.

Сказанное Юнгом как нельзя лучше подходит к современной россиянии, где господствующая церковь, мафиозные кланы новых буржуев и иудеокапиталистический оккупационный режим срослись в одну криминально-клерикально-полицейскую «семью» паразитов, купающихся в роскоши за счёт оболваненных, ограбленных и измордованных тружеников.

35. Нам станет яснее эта психология, если мы примем древние Языческие представления о вечной метаморфозе, то есть о вечном превращении. Согласно этим представлениям, ничто ценное в Мире не уничтожается окончательно, а лишь видоизменяется – оборачивается. Смерти, как таковой, в сущности нет: есть только перемена состояния.

У Природы – своя логика. Смерть – это форма Жизни, которой мы ещё не понимаем или уже забыли. Как ни странно, но больше других смерти страшатся иудохристиане, верующие в «воскресение мертвых».

36. Душа человека сродни Духам, будучи так же и сама соткана из той же легкокрылой, невещественной материи, которая есть телесность Духа. Впрочем, употребляемое здесь обозначение «Дух» не очень удачно: оно слишком подчёркивает нематериальную сторону представления об этой Сущности, слишком спиритуализует её.

Восточные славяне лучше других сохранили первоначальный анимистический смысл понятия «Дух», когда Сила эта ещё не рассматривается как сверхъестественная, чисто духовная, напроць лишённая всякой телесности. В этом – ярко выраженный архаизм нашего Язычества, отличающий его не только от греческой религии, но и от древнеарийских религий Вед и Авесты.

37. То, что за неимением лучших подходящих слов называется богами, суть таинственные природные Силы-Сущности. Их не следует ни очеловечивать, ни демонизировать, ни обожествлять. Эти Силы могут быть богами, то есть рассматриваться как божественные лишь постольку, поскольку БОЖЕСТВО есть другое наименование ПРИРОДЫ.

В повседневной жизни люди сталкиваются не с «богами», а с неведомыми Силами, пронизывающими и животворящими Природу. Поэтические олицетворения этих Сил, а не «боги» были главным содержанием народной религиозности (так называемой «низшей мифологии»).

Разумеется, внутри древнерусского общества сосуществовали религиозные взгляды и обычаи самого разного уровня развития. Профаны, немощные подняться до осмысления возвышенной сути религиозно-этического Учения Волхвов и неспособные поэтому к общению с Высшими Силами в их спиритуальной форме, довольствовались почитанием зримых рукотворных изображений – идолов, служивших послаблением для удовлетворения посредственных умственных запросов невежественных мирян.

Для просвещённых же идолы эти были лишь эмблемами, лишь условными символическими изображениями Идей, то есть того, что невозможно лицезреть воочию.

Но даже самые «тёмные» Язычники никогда не воображали, будто некие Духовные Сущности-Божества вселяются, воплощаются и живут в идоле и потому идол как бы сам становится настоящим богом.

38. Мы, люди, до сих пор почти ничего о себе не ведаем, даже толком не знаем, как появился на свет род человеческий; не представляем и то, как вообще зародилась на Земле сама Жизнь.

Так называемые практические открытия науки ограничиваются описанием эфемерных и иллюзорных аспектов Природы, не затрагивая Её глубинной сути и не понимая происходящих там процессов. Мудрецы говорили, что неведение есть восприятие несущественного и невосприятие существенного.

Иллюзия состоит в том, что описание принимается за теорию, т.е. за объяснение. Подобными описаниями учёные в действительности выражают не их знание, а недостаточность их знания о природе законов, лежащих в основе описываемых явлений. И примеров такого описания, имеющего форму теории, можно привести сколько угодно (электричество, магнетизм, тяготение, свет, фотосинтез и т.д.).

Ещё не так давно казалось, будто Жизнь неглубока и скоро наука доберётся до основы всего сущего. Но то было жестокое заблуждение. Несмотря на то, что изучение феномена происхождения и сущности Жизни имеет уже многовековую историю, число связанных с этим феноменом загадок за это время не уменьшается. Более того, с годами их становится всё больше: по мере исследований в руках учёных оказываются всё новые факты, требующие и не находящие объяснения.

«Наука не дала на протяжении всей своей истории – более 2500 лет никакого ответа на этот вечно стоящий перед нами вопрос», – писал акад. Вернадский в работе «Начало и вечность жизни» (СПб., 1922. С. 6).

Полвека спустя виднейший представитель «квантово-механической биологии», лауреат Нобелевской премии А. Сент-Дьерди признаёт, что «мы не можем определить, что такое жизнь» (Введение в субмолекулярную биологию. М., 1964. С. 116).

Прошло ещё полвека, но ни одна из многочисленных гипотез не смогла найти правдоподобного и непротиворечивого объяснения всему огромному разнообразию накопленных эмпирических данных. Поиски решения важнейшей, мучительной проблемы Жизни не дали никаких положительных результатов ни на уровне абстрактного философствования, ни на уровне голого лабораторного эксперимента, ни при попытках их совмещения, и конца этим поискам не видно.

Есть пять основных концепций относительно происхождения Жизни:

1. Жизнь сотворена сверхъестественным надприродным существом.
2. Жизнь возникла из неживого вещества самопроизвольно и многократно.
3. Жизнь никогда не возникла; она существовала вечно.

4. Концепция панспермии: Жизнь занесена на Землю из Космоса.

5. Концепция биохимической эволюции.

Гипотеза о происхождении живого из «неживого» – просто «научно» – атеистическая изнанка монотеистического креационизма, согласно которому бог сотворил жизнь из ничего. Хотя критика гипотезы о самозарождающейся Жизни была убийственна, гипотеза эта держалась, поскольку библейское «объяснение» посредством акта творения Иеговой выглядело ещё более нелепым.

Несмотря на то, что теологическая догма и вульгарно-материалистическая версия, на первый взгляд, диаметрально противоположны, их конечные заключения удивительно схожи: обе они заявляют, что никакой тайны здесь нет, да и какая может быть тайна в бездушной, косной Природе?

Отсутствие мало-мальски вразумительных ответов и у науки, и у богословов позволяет считать пантеистическое, или космоистическое положение о том, что Жизнь имманентна и совечна Вселенной, ничуть не большей фантазматикой, чем гомункулус из пробирки, посев инопланетян или воскрешение Лазаря.

Большинство натурфилософов (т.е. «любящих мудрость Природы») придерживалось архаичного, полученного некогда от Ведунгов и Ведьм-Прорицательниц Учения о всеобщей одушевлённости материального мира. Эмпедокл осмысливал Космос как живое целостное Существо. Мир одушевлён, и нет принципиального различия между живым и «неживым», а есть только степень и мера одушевлённости.

Позднее, в XVII в., Учение это получило название гилозоизма (хилозоизма) от греч. слов «материя» и «жизнь», наделявшего способностью своеобразного ощущения все вещи в Природе. А ныне почти то же самое, но только в заумных терминах говорят наиболее проникательные биофизики и геохимики. И надо отдать им должное: они чтут Тайну.

ЖИЗНЬ – ВСЕЛЕННАЯ – БОЖЕСТВО – СУТЬ ОДНА ВЕЛИКАЯ ТАЙНА. И Тайна эта навсегда останется Тайной, иначе быть не может: ведь «разоблачённое» Божество – уже не Божество.

39. Всегда были недюжинные натуры, жаждущие более содержательной религиозной и познавательной жизни, чем та, которую могли дать им обычные представления о богах. Наиболее пытливые не удовлетворялись такой духовной пищей, а всей силой своей мысли стремились проникнуть в скрытую взаимосвязь Вселенских Тайн, чтобы там, в самой сердцеvine, познать, что же есть Сущность Мира и человека, в нём живущего?

Боги – это только представления, с помощью которых люди надеются уяснить себе загадочную сущность Бытия. Но боги не решают всех религиозно-нравственных проблем.

Попытки очищения Языческих культов от позднейших наслоений предпринимали Аполлоний Тианский, Плутарх, Максим Тирский, Апулей, Кроний, Нумений, императоры Марк Аврелий, Юлиан, другие античные мыслители, выдвигавшие на первое место религиозно-этическое совершенствование человека.

40. Лишь у балтийских славян существовали идолы, крытые храмы и особая каста жрецов, что объясняется скандинавским влиянием.

К чести даже позднего восточнославянского Язычества надобно заметить, что если у скандинавов Один, Тор, Бальдер, Локки и другие боги очеловечены до предела, то у нас под Перуном всё же в очень значительной мере подразумевалось природное, стихийное начало, и лишь на нём основывалось все остальное. В образе Волеса (Велеса) всегда преобладали архаичные медвежьи и волчьи тотемические черты, то есть та же живая природная основа.

Оккультный закон гласит: Зверь (Волк), соединённый волшебными тотемическими узлами-оберегами с человеческим родом, не терпит предательства. Род, не достойный своего Тотема-Покровителя, гибнет.

* * *

НАБРОСКИ МОЕГО СТАНОВЛЕНИЯ

(написаны за год до «Волхвов»)

Мудрость состоит в том, чтобы говорить правду и действовать в согласии с Природой, Ей внимая.

Гераклит

Я довольно рано стал интуитивно осознавать свою высокую призванность, но не знал к чему.

Я не сомневался, что родился для чего-то очень значительного, даже необычайного: родился, чтобы осуществить то некое единственное деяние, которое волей Судьбы мне определено. Я всегда был тайно и непоколебимо в этом убеждён: вещее магическое чувство, живущее в сердцах сильных людей. И я всё время жил, ожидая некоего откровения Свыше: откровения, касающегося всей моей дальнейшей жизни.

Позже мне стало понятно моё удивительное для «нормального» человека пренебрежение всем тем, чем принято дорожить, что так ценилось в окружающем меня обществе, – дипломом, престижем, карьерой, комфортом и т.д. Теперь я понимаю истоки такого настроя: ПОДСОЗНАТЕЛЬНО ЧЕЛОВЕКУ ОТКРЫТО БУДУЩЕЕ. Интуиция и есть косвенное проявление этого качества. Другими словами, в подсознании (вернее – в сверхсознании) осведомлён-

ность о необычайной жизни была всегда. Отсюда – напряжённый внутренний поиск своего Я, стремление реализовать дар, угаданный ещё в отрочестве.

С юных лет меня преследовала навязчивая идея быть самим собою: БЫТЬ, А НЕ КАЗАТЬСЯ. Основная идея эта возникла тогда почти что бессознательно. Потом я долго буду идти к ней и, наконец, найду опять, но она уже будет выражена зрело и точно.

Во мне всегда жило чрезвычайно обострённое чувство Правды и отвращение ко всякой фальши. Я чувствовал, что человек, лгущий самому себе, никогда не совершит ничего достойного. Ещё в школе я был озабочен прежде всего тем, чтобы всё, что я говорил, было Правдой. И я старался ни на йоту не поступаться своими убеждениями, согласовывать свои слова и дела с совестью. И каждый раз, когда я изменял самому себе, я почти физически ощущал, как моё внутреннее естество получает болезненные раны.

В 1956 г. я подал заявление о выходе из ВЛКСМ в знак протеста против хрущёвского поношения «культы личности». Я сделал это вовсе не потому, что был сталинистом, а просто мне до тошноты противно стало смотреть, как вчерашние холуи – трусливые шакалы – терзают мёртвого льва. Пожалуй, именно тогда я напроць разочаровался во власти, лживо называвшей себя «советской».

* * *

Пифагор считал, что люди получили от Богов две блаженные способности: говорить правду и творить добро. То и другое, по его мнению, сродни натуре Бессмертных.

Именно так, ибо развитие этих способностей выводит человека на вещий, сердечный уровень. И только встав на этот труднейший путь постижения нравственных истин, начинает человек осознавать всё своё несовершенство перед величием Природы. Но мера человека не в том, чего он достиг, а в том, от чего он сумел отказаться.

Лучшее качество души – светлая печаль, недовольство, неудовлетворённость собой. И чем слабее представляется человек самому себе, чем дальше он от самодовольства, тем ближе оказывается он к возможности общения с Высшим Разумом, присушим Вселенной.

Мистики-пантеисты всегда ощущали симпатическую связь между божественной искрой в себе и Природой, которая мыслилась и воспринималась ими как непостижимое, но вместе с тем доброжелательное Божество.

Природа – любящая Мать и справедливая Наставница; и только тот, кто принял Её таковой, может учить других. Неподдельного Учителя отличает интуитивно-прозорливое проникновение в живую стихию Язычества, а не исследование её с помощью философии, археологии, лингвистики и прочих бездушных рационалистических методов познания. Только это и есть действитель-

ное ВЕДОВСТВО, а всё остальное, как бы хитроумно оно ни называлось, есть невежество.

В 50 лет я сознательно – и навсегда – отбросил всякое житейское «благоразумие» и окончательно порвал с так называемой цивилизацией и её «удобствами». Я променял их на жизнь среди вольной Природы. Забвение тщеславия – поступок, лишённый внешней показухи, но почти недоступный для очень многих. Не потому ли осуществляются мои цели, что у меня нет своекорыстных и сугубо-частных целей? Кто ни в чём не нуждается, тот так же богат, как владеющий всем.

Я вступил на свою стезю бесповоротно, сжигая за собой все мосты, не оставляя ни малейшей лазейки для отступления и полагаясь целиком на волю Духов. Я стал исполнять своё дело, не заботясь о последствиях, ибо они всецело в ведении Промысла Природы.

Лучшим подтверждением моей искренности явилось то, что первыми верными моими учениками стали мои взрослые сыновья, принявшие языческие имена Родостав и Вятич, бросившие свою московскую квартиру и последовавшие за мной в лесную глушь. Иначе говоря, мои идеи глубоко восприняли именно те, кто хорошо знал меня лично, а не по моим лекциям и статьям. Я был у сыновей почти всегда на виду, они каждодневно наблюдали меня в обыденной жизни. И они не могли бы не заметить той фальши, ханжества, лицедейства, которые неизбежно обнаруживаются, когда «посвящённый» прохиндей, окутывающий себя на людях мистическим туманом, ведёт себя дома совсем по-другому.

Сыновья стали мне родными не только по плоти и крови, но и по духу, ибо они увидели, они почувствовали во мне того убеждённого, вдохновенного и прямодушного человека, каким я и был на самом деле: БЫЛ, А НЕ СЛЫЛ.

* * *

С тех пор, как помню себя, я всегда был стихийным Язычником, то есть обожал живую, дикую Природу. То был голос крови. Осмысленное же понимание того, что Природа мудра и всегда права – пришло с годами, со знаниями, с непосредственным опытом и т.д. Я стал осознанно воспринимать то, что прежде воспринимал только сквозь призму чувств.

Ребёнком я тянулся к радости, искал её и находил, оставаясь один на один с Природой, в Лесу. Лес был миром, где я находил себя, но не только себя. Иногда со мной вступало в общение НЕЧТО, чья сила превышала всякое человеческое разумение, но вместе с тем ЧТО-ТО очень-очень доброе, родное, настоящее.

Лесные чары могущественны и благотворны. Я наконец-то полностью обрёл себя в Шабалинских Лесах, ибо для меня быть дикарём-язычником – значит быть самим собою, каким породила меня Мать-Природа.

Я – варвар по отношению к современной цивилизации. Я живу именно так, потому что не могу жить иначе. Я пытаюсь осознать ту огромную силу, что заставляет меня жить ТАК. Такое радостное настроение преображает даже тягости повседневного, порой сурового существования. Они хотя и остаются, но восприятие их меняется. Бывают диковинные вещи в таёжной глухомани, бывают неожиданные встречи, бывают и всякие передраги. Но жить можно, разумеется, при условии, что такая жизнь имеет для тебя какой-то ОСОБЫЙ, ВЫСШИЙ СМЫСЛ, который может быть описан только с помощью религиозных понятий. Мир, в котором мы живём, полон чудес. Сколь часто, общаясь с Природой, я не находил достаточно высоких слов для выражения значительности своих переживаний...

Живя так, человек становится прозорливым: он улавливает многие знаки Судьбы, которыми Она предупреждает его о том или ином событии. Нередко потери казались мне удручающими и невозполнимыми, но позже я распознавал в них необходимую стадию становления собственного Я: стадию, полную глубокого смысла... Теперь я вижу, что ни одно из усилий не прошло вознаграждённым и что каждая ошибка направляла меня к Решающей Битве.

Можно, конечно, в основу созидательного хода моей жизни положить простую игру случая. Но для случайности выявляется слишком много счастливых совпадений. Сколько должно быть «разыграно» вариантов, чтобы образовалась удачная ситуация, полагающая начало переходу случайности в необходимость? Когда многие разрозненные случаи вместе сопоставляешь, то ясно, что все они с тобой связаны, а когда по отдельности, то кажется, будто всё произошло само собою, чисто случайно.

Проследивая свой жизненный путь, я понял, что в нём не было случайностей. Я осмыслил непреложную предопределённость каждой вехи на этом пути, будь то победа или поражение. Все внезапные перемены, все осложняющие обстоятельства в свете такого осмысления обретали закономерность, все испытания последовательно и целенаправленно готовили меня к осуществлению моего призвания.

Я прочувствовал и признал глубинную органическую связь событий моей жизни, благодаря которой только и может быть понятна заданная необходимость этих событий.

* * *

Моё отшельничество есть прежде всего реализация стремления быть свободным и независимым от окружающих людей и суетной обстановки. Живя так, я остаюсь в относительном согласии со своей совестью. Мне легче на душе от чувства уважения ко всякой Жизни, которому я посильно стараюсь следовать.

Ведьмы говорили, что любое человеческое действие и переживание находит больший или меньший отклик в «тонком» мире Духов. И Они во многом освободили меня от того, что мешает исполнению мной моего предназначения.

Мне нет никакого дела до враждебных помех. Коль скоро я должен выполнять свою миссию, не отвлекаясь по мелочам, – Духи сделают так, чтобы я мог выполнять её как можно успешнее. Предпринимая личные попытки для защиты, я занимался бы не своим делом.

Будучи чистосердечным, я уверен в своей защите – Обереге. Но чистосердечие и уверенность – ничто, если они не освещены заревом праведной битвы с силами Зла. Если бы я попытался вместить смысл своей жизни в одно слово, то этим словом будет ЯЗЫЧНИК; если в два – ЯЗЫЧЕСКИЙ ВОИТЕЛЬ.

Органический сплав воинского и природоведческого начал коренится в самом моём существе. Я всегда чувствовал в себе двойственное отношение к миру: созерцательное обожание, с одной стороны, и стремление к решительным действиям – с другой. Я не мог всецело отождествить себя с чем-то одним.

Я был полон неистощимой, взрывчатой энергии, и всё же в недрах моей натуры таилось что-то более глубокое, самозабвенное, отвлечённое от всего преходящего, что я затрудняюсь выразить словами. Но ни к какому особому внутреннему разладу это не приводило: оба начала мирно уживались.

Я работал в двух направлениях: естествознание и «еврейский вопрос». Вначале раздвоение давало о себе знать, мешало: я не мог выбрать окончательно ни один из родов своих занятий как более значимый. Но где-то на подсудном уровне интуиция мне подсказывала, что рано или поздно параллельные прямые должны пересечься. И они пересеклись, когда я понял, что экологическая катастрофа есть логическое следствие монотеистической библейской установки на порабощение «богопротивной твари» – Природы.

* * *

Я не принадлежу ни к какому философскому направлению, ни к какой религиозной системе, ни к какой исторической школе. Моё мировоззрение едино и многогранно. Но я не могу увязать его ни с одной доктриной.

Во мне живёт одновременно анархист и националист, социалист и почвенник: где-то во внутреннем естестве моём они взаимооборачиваются и образуют единое, неделимое целое.

Непреходящая ценность Идеи состоит не в новизне, не в оригинальности, а лишь в глубине. Блестящий ум относится к уму глубокому так же, как бесплодный секс к священнодействию зачатия. Подлинный, самобытный мыслитель не нуждается в «знаменитости»: ему противопоказана всякая выпренность и артистичность, он просто не может быть модным. Ему свойственна безыскусность, и он чужд любой театральщине. Ни Руссо, ни Уитмен, ни Торо, ни Скворода не были элегантны.

Не только чужая, но и своя душа – потёмки. Всякая искренняя душа не может ни понять, ни измерить саму себя: она то взмывает на величайшую вы-

соту, то ниспадает в ужасающую бездну. Тоска по несбыточному приводит её на путь исканий.

Никто из известных мне современных идеологов, за исключением Добромысла (Андрея Светова), не может назвать меня своим единомышленником, поскольку я всегда предпочитаю мыслить самостоятельно и не преклоняться ни перед каким фетишем. В самом основании моего характера заложено отвращение к соглашательству, неумение и нежелание жить вполонину.

Вообще, уже 1000 лет, со времён кровавой иудохристианизации, наша страна – страна крайностей, страна богоборцев и богоискателей, страна скитов и острогов, безответного долготерпения и беспощадных бунтов. В непонятной Западу (да и Востоку тоже) непредсказуемой стихии Русской Души бесшабашная удаля спелась с чёрной хандрой, хмельной разгул – с трезвым нигилизмом, бешеная страсть – с изуверским самооскоплением, безмерное страдание – со свирепой жестокостью. Но при всём этом и всегда – главная и самая впечатляющая особенность наша – это неуёмная, неизбывная жажда Правды-Справедливости и мучительные поиски Её. «Шекспир настолько великий гений, что может стать уже по плечо русскому человеку», – эти слова Аполлона Григорьева приводит Д.В. Григорович в своих «Воспоминаниях».

Впрочем, за Правдой-Маткой далеко ходить не надо; она заключена в наших народных пословицах: «Правда в лаптях, а кривда – в сапогах!» и «На деле прав, а на дыбе виноват».

* * *

Я рос своенравным и упрямым, и это помогло мне, когда я начал создавать своё Я. Оккультное положение гласит, что человек сильных, подчас необузданных страстей, если только он сумеет их выпрямить и спаять в единую всепоглощающую страсть, влекущую его к Добру, будет иметь такой успех, какого никогда не достигнет человек умеренный, серый, заурядный, «себе на уме». Даже злодей может преобразиться, равнодушный – никогда.

Известно, что ряд выдающихся религиозных деятелей античности, индийских йогов, мусульманских суфиев, буддийских и даосских анахоретов в начале своей жизни были людьми глубоко порочными. Они стали так велики в своём подвижничестве именно потому, что их натура таила гораздо более возможности стать духовными светочами мира, чем натура людей слабых, никудашных, которые «ни богу свечка, ни чёрту кочерга». Самоотверженным путём духовной алхимии, нравственного совершенствования смогли они превратить свои личностные эгоистические душевные свойства в высшие спиритуальные силы, подчинить их своей Доброй Воле и безграничным возможностям Её.

И если кто-либо спросит меня, какова цель земной жизни, я отвечу, что цель эта – становление Героя, ибо эволюция не кончается человеком.

* * *

Мои книги запрещаются преступной оккупационной цензурой. В какой ещё стране могут судить за любовь к Родине, к своему народу? – Только в стране, порабощённой иноплемениками. Но эти трусливые запреты лишь подтверждают обречённость и неотвратимый крах лживого, гнилого, продажно-рыночного режима и его базарной «элиты», не могущих противопоставить Идею ничего, кроме наручников.

Я горжусь тем, что мои работы нашли горячий отклик в сердцах молодёжи и стали путеводной нитью для многих и многих людей в поисках смысла своего бытия. Работы эти утешают их в печали, вселяют уверенность в Победу, поднимают выше страха смерти. Они вдохновляют и ведут в бой за идеалы Правды, Свободы, Красоты.

Борьба – удел Героев, бросающих вызов Злу и идущих на подвиг не ради славы, наград и власти, а потому, что не могут поступать иначе. И эти Герои – не одиночки: ведь на подвиг люди идут лишь тогда, когда уверены, что народ с ними. Герои всегда самоутверждались только в Борьбе; так они творили свою судьбу и судьбу своих народов. И они не ныли, что, дескать, нас мало и что плетью обуха не перешибить. Тех, кто прав, мужествен и верен, всегда было на свете меньше; все Великие Движения начинались горсткой правдолюбцев.

Мои книги взяты на вооружение соратниками Русского Освободительного Движения, которое неудержимо растёт, ширится, даже не имея ни материальной базы, ни централизованного руководства.

Строки моих стихов высекают на надгробных камнях, от руки переписывают и заучивают наизусть в зонах и камерах, перекладывают на музыку и распевают на Солнечных Языческих Празднествах и в Волшебную Купальскую Ночь.

Цитаты из моих работ служат эпиграфами к программным статьям в молодёжных Национально-Социалистических журналах, Боевых Листках и Вестниках Сопротивления. Не иссякает поток сочувственных писем от всё новых и новых сподвижников. Можно ли желать ещё какого-то большего признания плодотворности своих трудов во славу ПРИРОДЫ – РОДИНЫ – НАРОДА?

* * *

Помню: мне было лет 7 или 8; я стоял на лугу в зарослях пахучих цветущих трав. Ярко светило Солнце, гудели шмели, порхали бабочки. Внезапно повеял ветерок, травы зашелестели, зашептались; я вдохнул их дивный медовый запах – и меня не стало; вернее – я стал этим цветущим лугом, ветерком, солнечным светом... Я как бы растворился в ласковых, тёплых, сочувственных стихиях.

Не знаю, сколько длилось это чудесное мгновение, бывшее одновременно и явью, и сном, и грёзой. Когда я снова воплотился, то увидел себя опять стоящим на лугу. Слезы градом лились из моих глаз, но то были невыразимо сладостные слёзы ВЕЛИКОЙ РАДОСТИ. Незабываемое ощущение слиянности с чем-то ЖИВЫМ, РОДНЫМ, МАТЕРИНСКИМ запечатлелось навеки. Позже, уже в зрелом возрасте, оно повторялось ещё только дважды.

Предчувствую, что это первобытно-детское, ослепительное для дневного сознания Просветление вновь посетит меня в мой смертный час...

Доброслав

* * *

Желающие приобрести другие работы Доброслава могут писать: 612025, Кировская обл., Шабалинский р-н, п/о Новая Указна, Доброславу.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс

«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).